

Лео Певзнер

Там где мы есть

Лео Певзнер

Там где мы есть

ЗАПИСКИ ВЕЧНОГО ЕВРЕЯ

Лео Певзнер

**Там, где мы есть.
Записки вечного еврея**

«Э.РА»

2013–2018

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Певзнер Л.

Там, где мы есть. Записки вечного еврея / Л. Певзнер — «Э.РА»,
2013–2018

ISBN 978-5-99062-251-7

Эпический по своим масштабам исход евреев из России в конце двадцатого века завершил их неоднозначные «двести лет вместе» с русским народом. Выросшие в тех же коммунальных квартирах тоталитарного общества, сейчас эти люди для России уже иностранцы, но все равно свои, потому что выросли здесь и впитали русскую культуру. Чтобы память о прошлом не ушла так быстро, автор приводит зарисовки и мысли о последнем еврейском исходе, а также откровенно делится своим взглядом на этические ценности, оставленные в одном мире и приобретенные в другом. Эта книга поможет читателю открыть что-то новое о народе, о котором все казалось простым и ясным, но оказалось не простым и не ясным. Книга написана популярным языком, доступным для широкой аудитории читателей.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-251-7

© Певзнер Л., 2013–2018
© Э.РА, 2013–2018

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие к американскому изданию	8
Введение	10
I. Исход двадцатого века	13
Такие же или другие?	14
Пятый пункт	21
Ехать или не ехать?	33
II. НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лео Певзнер

Там, где мы есть. Записки вечного еврея

Leo Pevsner

«The Long Lasting Journey. Notes of a Wandering Jew»

© Лео Певзнер 2018

Памяти моих родителей, Ревекки и Арнольда

Предисловие к русскому изданию

Тот, кто родился в Советском Союзе, в Ленинграде до 1991 года, возможно, испытывает некоторое смущение, заполняя сегодня официальные бумаги: ни этого города, ни этого государства сегодня на карте нет. Тем не менее, именно Ленинград – моя родина, это название мне близко, и Ленин не имеет к этому отношения. Новое (старое) название «Санкт-Петербург» отдает чем-то чужим, дореволюционно-холодным. Я – ленинградец, и мне всегда приятно отвечать на вопрос, откуда я родом. Я бы даже сказал, что ленинградец – это моя национальность, если бы не чувствовал, что есть другая, более важная для меня идентичность – я еврей. Важная хотя бы потому, что мы, хотя и такие же, но в чем-то неуловимом все же другие. В чем эта «дружость» и почему она есть, как влияла на судьбы русских евреев – вопрос, который всегда волновал многих, независимо от их отношения к евреям.

В городах Советского Союза никогда не было разделения на районы проживания по национальностям, или комьюнити, – как называют их в Америке. Люди разного этнического происхождения – русские, евреи, татары, украинцы – росли вместе с младенчества, учились в одних классах, у одних и тех же учителей. Разделяющих народы конфессий для них не существовало вовсе... Но было государство, которое выделяло людей по национальностям и давало преимущества одним перед другими, и был многонациональный народ, который тоже обращал внимание на то, кто ты по происхождению, хотя дальше обзывания по национальному признаку и редкого мордобоя дело не заходило. Достаточно ли было всего этого, чтобы сотни тысяч евреев покинули страну, где родились и опять (который раз в истории!) расселились по разным странам? И наконец, что мы, «вечные евреи», потеряли и что нашли в дальних краях?

Я попытался размышлять над этими вопросами, написал и издал в Соединенных Штатах книгу на английском языке. «Почему на английском?» – резонно спросите вы. Несколько человек, с которыми я поделился своим замыслом, тоже спросили меня об этом. Отвечаю: русский, безусловно, мой родной язык... но дело в том, что мои внуки и последующие потомки, живя в Америке, если и будут говорить по-русски, то думаю, прочесть целую книгу на русском им будет трудно и удовольствия от такого чтения будет немного. Для них русский окажется чем-то вроде того, чем был идиш для моего поколения русских евреев – едва понятный и практически неиспользуемый язык предков... или даже непонятный и вовсе неиспользуемый, каким он остался для меня.

После выхода книги в Америке я подумал, что, возможно, русскоговорящие читатели найдут что-то интересное о тех, кто много лет назад были их соседями, почти такими же, как и они сами, – правда, с одним унаследованным *отрицательным пунктом*. Сейчас эти люди для России – уже иностранцы, но все равно свои, потому что родились здесь, и только пресловутый «пятый пункт» в советском паспорте являлся для них источником больших и малых проблем.

Но рассказать мне хотелось не о том, как живут *там* бывшие соотечественники – об этом уже достаточно сказано, – а кто они в глазах тамошнего народа и в своих собственных, зачем они там. В конце концов, я решил перевести свою книгу на родной язык с некоторыми изменениями. Хотел только перевести, но получилась другая книга на эту же тему.

Книга написана на фоне драматических событий второй половины двадцатого и начала двадцать первого века и покрывает как российский, так и американский опыт жизни. Несмотря на десятки прожитых в новой стране лет, по менталитету (не по образу жизни, языку или привычкам) люди советских поколений еще не полностью свои *там*, но уже и не свои *здесь*. И только выросшие дети и рожденные *там* внуки полностью влились в американский мейнстрим. Я хочу, чтобы они знали, что мы нашли *там* и что потеряли *здесь*, в России.

«ТАМ, ГДЕ МЫ ЕСТЬ» – название русского перевода книги. Представляю ее на ваш суд, дорогие бывшие сограждане.

Нью-Джерси
Январь 2018

Предисловие к американскому изданию

Эмиграция евреев из царской России, затем Советского Союза и республик происходила волнами, где пик, как правило, приходился на совпадение по времени самых неблагоприятных для евреев лет с ослаблением ограничений на эмиграцию со стороны властей. Трудно сказать однозначно, сколько насчитывается волн еврейской эмиграции. Если считать не по тому, куда евреи эмигрировали из России, а по тому, сколько их уезжало, получится две большие волны с ярко выраженными пиками: первая волна с 1890 по 1920 гг. и вторая – с 1970 по 2000 гг. Нисколько не претендую на освещение судеб и характеров этой волны – у каждой семьи, каждого индивидуума своя судьба, свой уникальный успех или неуспех. Эта книга выражает лишь субъективный взгляд на происшедшие с нами события глазами одного представителя этой эмигрантской волны, прибывшей к берегам Соединенных Штатов Америки.

Большинство изданных в Штатах книг о советских евреях-эмигрантах описывают их жизнь в Советском Союзе и историю еврейской эмиграции в свете борьбы за право на выезд. Этот драматический аспект истории советских евреев довольно подробно освещен. Мой интерес к этой теме связан с ролью и местом русских евреев в современном мире, причин их исхода из России и из бывших республик Советского Союза, а также с их самоидентичностью. Евреи, переехавшие из России в Америку, обладают уникальной, даже не двойной (как, например, в Израиле), а тройной идентичностью. С кем каждый из них себя отождествляет? С евреями? русскими? американцами? А на сколько процентов? Кому они (мы) остаются лояльными, будучи русскими по культуре, евреями по происхождению, и американцами (канадцами, австралийцами и т. д.) по стране проживания, принявшей их? Это ведь не просто то, как ты себя называешь, а то, кем себя ощущаешь, а иными словами, кого ты теперь готов защищать? Здесь надо подчеркнуть, что в Израиле у русско-еврейских репатриантов (они там не иммигранты!) особая идентичность, и вопрос решен однозначно: кто бы откуда ни приехал – они все израильтяне, и совершенно понятно, кого и что они будут защищать. Этот аспект иммигрантской жизни освещен гораздо меньше, но он интересен в век конфликта цивилизаций, век, ставший по воле политиков кочевым для многих народов, временем миграции огромных людских масс.

Три четверти всех советских евреев покинули страну, где родились, со смешанными чувствами расставания, горечи и надежды. Неприязнь государства и разных слоев общества по отношению к евреям существовала всегда, и она нашла отражение во многих обвинениях по отношению к ним, в том числе в литературных произведениях больших русских писателей.

Через тридцать-сорок лет наши правнуки уже едва ли будут знать о судьбах их предшественников, прошедших испытания реальным социализмом в одной стране и свободой в другой. Реальный советский социализм был режимом, по сути своей, человеконенавистническим, заставлявшим людей делать, думать и говорить то, что хочет власть. Но и свобода оказалась не той доброй тетей, что раздает всем без разбору. Свобода жестока, и поколение, жившее в равном распределении бедности, будет долго привыкать к неравенству, происходящему от равенства возможностей в условиях настоящей свободы. Евреи России всегда были частью существовавшей в ней системы – сначала угнетенные и ограничиваемые чертой оседлости, потом способствовавшие приходу к власти большевиков с их террором, затем этой же властью преследуемые, а в конце ее существования – покинувшие эту страну в поисках лучшей жизни для себя и своих детей.

Эта книга – о евреях, живших в России и бывших республиках Союза вместе с другими его народами, обобщенно названными «русскими», и затем по собственному выбору ставших американцами, израильтянами или гражданами других стран в конце двадцатого века. Автор книги – один из них. Это рассказ о расставании двух народов, выросших в коммунальных

квартирах тоталитарного общества, но ощущавших разное отношение к ним со стороны этого общества. Это отношение не было хорошим к одним, а плохим к другим, но скорее, безразличным к одному народу и предвзято-негативным к другому.

Чтобы память и боль прошлого не ушла так быстро в историю, хотелось поразмышлять об этом и сохранить некоторые зарисовки этого последнего еврейского исхода, а также поделиться своим совсем необъективным взглядом на окружавший нас мир там, где мы были, и там, где мы есть.

*Нью-Джерси
Февраль, 2013*

Введение

1997-й, второй год в Нью-Йорке. Все еще впитываю новый мир, так непохожий на мой прежний, изучаю, как общаются люди, как устроена новая страна. Это лучше удается на работе, где я работаю на великих стройках капитализма. В одной со мной команде – поляки, югославы, латиноамериканцы, и только я один из России. В такой компании каждый акцент привносит что-то свое, национальное. Как-то в один из перерывов на ланч тема обсуждения была о том, как каждый из них заживет, когда вернется на родину с чемоданом заработанных в Америке денег. Кто-то мечтал вернуться после получения американской пенсии, другие хотели скопить деньги на покупку своего дома и потом возвратиться. Каждый думал, в конечном итоге, о возвращении, понимая, что его настоящий дом там, на родине. Когда очередь поделиться видением своего будущего дошла до меня, я сказал, что у меня нет планов вернуться в Россию. Помню, они были очень удивлены. Даже если кто-то из них и не был уверен на все сто в своем возвращении, он знал, что его настоящий дом находится в Польше, Сербии, Колумбии. Я им не сказал, что я еврей. Для них, если ты из России, значит – ты русский: твоя национальность такова, каков твой родной язык. В России по-другому – еврей был и есть еврей. И даже само это слово, просто отражающее национальную принадлежность, всегда звучало обидно.

Когда один из журналистов спросил поэта Иосифа Бродского после вручения тому Нобелевской Премии по литературе: «Вы американский гражданин, получивший Премию за поэзию на русском языке. Кто вы – американец или русский?» – «Я еврей... русский поэт... и эссеист, пишущий по-английски», – ответил Бродский. И в этом его ответе звучал кризис идентичности еврея, покинувшего русскую родину и осевшего в далекой стране. Это сказал поэт, что же говорить о нас, грешных, какой компас у нас? Из-за такой «многохарактерности» есть некоторое замешательство в том, с кем каждый из нас, русских евреев Америки, идентифицирует себя. То, как мы живем, что видим и слышим вокруг себя, помноженное на нашу генетическую память, влияет на то, с кем мы себя отождествляем, что думаем о себе.

Итак, после двухсот лет вместе, в одной стране, большая часть русских евреев навсегда покинула Россию и переехала в Израиль, Америку, Канаду, Австралию, Германию, растеклась по другим странам. Была ли Россия матерью или мачехой для этих людей? Были ли евреи лояльны по отношению к ней? Какие воспоминания о родине уносили они с собой? Почему те, кто были евреями в России, стали вдруг русскими в других странах? Какова теперь их самоидентичность, и вообще, кто такие русские евреи *там*? Вопросы, вопросы...

Масштаб выезда евреев из России и бывших советских республик в конце двадцатого века был таков, что переселение это иначе как эпическим назвать невозможно. Не пешком по пустыне – на самолетах, поездах, кораблях, но от этого не менее глобальное. Дети – маленькие и большие, увезенные родителями в эмиграцию, или те, кто уже там родился, сейчас выросли, впитали другую культуру, становятся или стали лидерами в науке и бизнесе, технологии и искусстве, медицине и юриспруденции, там, далеко от России, которая их потеряла. Навсегда.

Исторически исход всегда был последним средством спасения евреев от преследований и гибели. Каждый раз, казалось, был последним. Проходили десятилетия и века, и они опять поднимались и шли, спасая детей и себя, в надежде на лучшую судьбу. И каждый раз, в новой среде с новыми порядками, они подстраивались под новые ограничения, которые власти вводили специально для них. Оставаясь евреями, они вбирали в себя характерные черты народов, среди которых жили, и которые оказали влияние на их культуру. Все эти культуры – та, в которой мы были рождены, та, в которой прожили большую часть жизни и та, которую обрели в течение долгих лет иммиграции, остаются внутри нас, образуя какую-то новую идентичность. При всем различии взглядов, образования, места жительства в огромной империи, советский

менталитет глубоко сидит в каждом, кто провел там свои сознательные годы. Так кто мы на самом деле?

После долгих колебаний я пришел к выводу, что кто-то должен попытаться понять и описать то, что глубоко спрятано внутри, но неизбежно волнует каждого из нас: кто я теперь? Я начал со своей личной истории, потом почувствовал, что она типична для многих в моей среде и сделал шаг в сторону обобщения, ведь, в конце концов, мы, покинувшие Россию (Украину, Белоруссию, другие осколки бывшей империи) по американской программе еврейских беженцев или по любой другой программе, имеем общую судьбу. Для меня, одного из них, важно было понять, насколько еще сильны, с одной стороны, духовные связи с Россией, страной, где я родился, а с другой – насколько я ощущаю себя носителем еврейского наследия, которое никогда не было важной частью жизни евреев в Советском Союзе. С третьей стороны, русскоговорящие евреи-граждане Соединенных Штатов – это целый пласт современного народа Америки со своей многомерной культурой. Мне показалось важным подумать об общности этих людей, о жизни в двух столь различных обществах – российском и американском.

В некотором роде, Россия и Америка – антиподы. В Америке совершенно иные правила игры, слишком рациональные для русской души. И на этом поле с другими правилами игры и укладом жизни оказался новый народ-пришелец. Америке не привыкать, она впитала в себя культуры десятков народов на протяжении своей истории, а большинство культур растворилось в американском плавильном котле. Русская культура тоже обречена на ассимиляцию в течение одного-двух поколений.

Последняя волна еврейской эмиграции-иммиграции длилась около тридцати лет, начиная с семидесятых и до конца девяностых. Сравнивая первые и последние приливы иммиграции, между которыми 60–80 лет, замечаешь больше различия, чем сходства, потому что советские евреи являли собой феномен, подобного которому в истории России и других стран не было. Нравственные понятия, черты национального характера – все то, что можно назвать культурным базисом советского еврейства – это тоже часть советской цивилизации, в которой формировалась идентичность советских евреев. Политические и социальные события в период с 1960-х и до начала 1990-х годов в этой книге лишь фон, а их описание не претендует на исторический анализ.

Самой серьезной причиной еврейского исхода из Советского Союза конца двадцатого века был тихо насаждаемый партией и правительством антисемитизм с пресловутыми процентными нормами евреев при приеме в институты и ограничениями по найму на работу. Этот порок находил благодатную почву и у населения. Справедливости ради надо сказать, что антисемитизм присутствует в разных слоях общества и в других странах. Но послевоенный советский антисемитизм был особенно циничен. Так называемый «пятый пункт» – национальность – был обязательным атрибутом советского паспорта, а для евреев он вдобавок был черной меткой, такой же, как желтая звезда Давида для евреев гитлеровской Германии. Советские евреи особенно страдали от него после Великой Отечественной Войны и вплоть до распада СССР.

Вопрос о лояльности евреев стране проживания всегда был главным в их отношениях с коренными народами. В странах, где они жили, их обвиняли в неприятии культурных и религиозных ценностей титульной нации, иными словами – в нелояльности. Я бы посмотрел на эту проблему с обратной стороны: были ли евреи лояльны странам, где у них были равные возможности с коренным населением? Мой ответ: да, были. Советская власть в период с 1917 по начало сороковых сажала в лагеря и расстреливала свой народ, включая и евреев, но не потому, что они евреи, а потому, что такова была плетоядная сущность этой власти. И уже за это непреследование по национальному признаку евреи были в то время лояльны по отношению к той власти.

Эта книга об одном народе, объединенном общей судьбой, но тем не менее, весьма разобщенном, который прошел или все еще проходит через трудности иммиграции и головоломку

самоидентичности. Некоторые сохранили свой прежний менталитет, образ мышления, привычки, манеру поведения и отношение к окружающему миру, другие изменились в корне. Трудно говорить сразу обо всем народе, слишком он разный, пусть и в чем-то схожий. Схожесть в нашем бэкграунде, фоне, на котором происходили события предыдущей жизни.

Находясь в разное время в России и Соединенных Штатах, некоторые оказались очевидцами больших событий в новейшей истории этих двух стран. Не забуду пьянящий воздух свободы 20 августа 1991 в Ленинграде на Дворцовой площади перед провалом Августовского просоветского путча. Не забуду и американскую трагедию 11 сентября 2001 года, свидетелем которой я стал, находясь в тот момент в Нижнем Манхэттене. События такого масштаба - это большие камни, из которых складывается история.

Я говорю здесь не только о русских евреях, разделивших тяжести советского периода со всем бывшим советским народом, но и о «русских русских». Очень трудно провести линию раздела между двумя народами, судьбы которых были переплетены и смешаны долгие два века. Много чего было во взаимоотношениях этих двух народов: унижительная черта оседлости, погромы черной сотни и гражданской войны, расстрелы Еврейского Антифашистского Комитета, убийство великого артиста Михоэлса, широко распространенный в народных массах т. н. бытовой антисемитизм, борьба с космополитами, дело «врачей-отравителей», направленные прямо против евреев, и подготавливавшаяся, но неосуществленная их депортация в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока, и так далее и так далее... всего и не перечислишь. Но было и еврейское руководство большевистской революцией, и расстрелы царской семьи и другие, к которым были причастны революционеры-евреи. Было и спасение многих евреев русскими семьями от расстрела немцами в период оккупации. Были и массовые расстрелы евреев местными полициями.

Все это было в России, стране, близкой мне и одновременно уже далекой. Этот отдаляющий дрейф будет продолжаться: близкие с российским народом в самом начале, мы, как в генеалогическом древе, в следующем поколении станем двоюродными, троюродными, и наконец, просто народами, имевшими некогда общую историю. До того как это произойдет, пока мы еще свои, пока там, в России, есть люди, которых я знаю много лет и люблю, я хочу внести некоторые обобщения о прошлом и дать имена настоящему.

І. Исход двадцатого века

*Новый фараон взошел на трон в Египте... Он сказал своим людям:
«Эти израильтяне становятся для нас опасны и их становится много.
Надо положить этому конец».*
Экзодус 1:9

28 мая 1996 года Боинг 737 Санкт-Петербург – Нью-Йорк совершил посадку в аэропорту Джона Кеннеди и принес из России в Соединенные Штаты еще одну семью, мою. Неизвестность и неопределенность нашей будущей жизни вносили беспокойство в это большое событие, и только наш 5-летний сын Боря был очень взбудоражен таким интересным приключением. Еще бы, первый раз в жизни на самолете да еще в неизвестную страну, и после 10 часов перелета! Мы – это русские евреи, граждане недавно распавшейся страны, которые совершили решительный шаг в поиске лучшей жизни. Семья наша – одна из сотен тысяч еврейских семей бывшего нерушимого союза бывших советских республик, покинула разрушенный союз в надежде на лучшее будущее.

Продолжался эпический по масштабу исход евреев из советского и пост-советского пространства. С чем он связан и почему произошел? Не только по экономическим причинам, обострившимся после крушения коммунистической империи. В немалой степени он касался и сосуществования культур и народов. Каждый человек уникален, но когда мы говорим об этнических связях, какие-то невидимые, но мощные силы соединяют или, наоборот, разъединяют людей. Был ли он действительно неизбежен, этот последний исход евреев из Советского Союза, а потом из России и других республик?

Еврейская эмиграция, – хоть и похоже, но это не Исход евреев из древнего Египта – между ними три тысячи лет. Нет даже достоверных археологических доказательств, что исход вообще имел место быть так, как он описан в Библии. Тем не менее, допуская, что древний исход все-таки произошел, мы видим некоторую схожесть в том, что и египетские фараоны, и советские власти не хотели отпускать этот народ; а также и то, что в обоих случаях евреи чувствовали унижение, что во многом и послужило им толчком к исходу.

Для многих объяснение причин такого почти бегства русских евреев к концу двадцатого века из бывшего Советского Союза лежало в плоскости чисто экономической. «Соблазнились на хорошую жизнь, скатертью дорога», – скажет иной русский человек; «Колбасная эмиграция», – скажет наш же эмигрант семидесятых годов про эмигрантов девяностых, убежденный, что уж он-то уехал по чисто политическим мотивам. И то и другое – правда, однако с оговорками. Что ж, стремление улучшить свою жизнь – понятный и оправданный мотив для каждого. В России пост-1991 года, когда индустрия умерла, и большинству работников умственного труда не осталось места на интеллектуальном рынке работ, надо было идти торговать чьим-то, сторожить чье-то или уезжать насовсем.

Антисемитизм? Да, был и он. Но было еще что-то, что подняло целый народ (во всяком случае, его большинство) на исход тогда, когда это стало возможным. Для того чтобы зайти в эту дверь, нужно приоткрыть и еще одну, другую, ключом, который является ответом на вопрос о еврейской лояльности стране проживания. Войдем мы в эту дверь позднее, а пока подумаем о национальных характерах народов – обобщенного русского, включающего многие народы бывшего Советского Союза, и еврейского, – чтобы понять корни специфически советского антисемитизма и получить ответ на вопрос: почему советская Родина-мать была, по существу, мачехой для евреев?

Такие же или другие?

Историческая справка 1. В конце восемнадцатого века большое количество евреев оказалось в границах расширенной России, после того как русская императрица Екатерина II получила большие территории Восточной Польши в результате ее раздела между Россией, Пруссией и Австрией. Этот период и начал отсчет времени совместного проживания русского и еврейского народов, длившегося двести лет вплоть до конца двадцатого века.

За двести лет русский (в расширенном смысле, включающий многие другие этносы огромной российской империи) и еврейский народы, прожившие бок о бок столько поколений, прошли вместе через специфично российские жестокие эпохи: затянувшегося феодализма, незрелого капитализма, затем ультралевого тоталитарного социализма. Они прошли через невероятные страдания, революции и войны, сталинские тройки, расстрелы и лагеря. Страх вошел в умы и души на генетическом уровне. Советская власть освободила русских евреев от черты оседлости, но сделала их меньшими евреями, чем они когда-либо были.

Отношения двух народов – русского и еврейского – как, впрочем, и некоторых других внутри империи, никогда не были простыми. И даже когда уже в советские времена большинство евреев утратили традиционный облик, включавший лапсердак с пейсами, а также род занятий и приписываемые им манеры и привычки, религиозную культуру, некий ментальный водораздел между евреями и неевреями остался. И это несмотря на то, что фон, на котором росли и воспитывались советские евреи, ничем, по существу, не отличался от того, при котором существовали другие народы огромной страны.

Концепция национальных черт народа довольно условна, тем не менее, есть какие-то общие черты, которые создают то, что мы называем национальным характером, культурой. В рассуждениях о характерах двух народов ограничимся только советским периодом, когда евреи уже не были связаны обязательным проживанием внутри черты оседлости и были более ассимилированы в русскую жизнь. Начиная с тридцатых годов, большое число евреев, получив образование, доступа к которому они были лишены в царское время, довольно быстро стали частью нового слоя советского общества – интеллигенции.

Что же все-таки отличало евреев от других их соотечественников и почему отношение к ним было другое? Многие русские классики неоднократно затрагивали эту тему в негативном для евреев ключе, но я не хочу ни повторять их, ни опровергать. Двести лет, проведенные если не вместе, то рядом, а особенно семьдесят лет советского периода, наложили глубокий культурный отпечаток на русское еврейство.

Если говорить о мировом еврействе, то это очень культурно разобщенный народ, хотя такое разобщение нехарактерно для советских евреев (во всяком случае, в доэмигрантский период). Советский еврей сильно отличался от европейского, ближневосточного или южноамериканского, и даже – от потомка русских евреев, живущего в Соединенных Штатах. В процессе ассимиляции евреи приобрели много чисто русских черт. В результате советский еврей стал одновременно носителем русской культуры и еврейского склада ума. Он носит в себе культурные черты русского человека больше, чем, например, британский еврей носит черты британца, что можно объяснить гораздо большей однородностью культурной среды в тоталитарном государстве. Поэтому русские евреи в любой загранице – в первую очередь русские, и только во вторую – евреи. Советские евреи всегда хотели раствориться в одной большой нации, а крохотная Еврейская Автономная область, искусственно созданная в тридцатые годы на Дальнем Востоке по приказу вождя народов, так никогда и не стала центром советской еврейской жизни.

Число русских – коренной национальности страны – значительно превышает половину населения, тогда как число евреев никогда не превышало 4 %, а сейчас, после распада Союза и

массовой эмиграции, оно упало до 0,2–0,3 %. Надо ли вообще обсуждать особенности национального характера русских и евреев? Считаю, что да, нужно, прежде всего – для понимания, кто все мы, русские и евреи, народы, прожившие бок о бок двести и более лет, с глубоко сросшимися судьбами, во многом похожие, но в чем-то существенном различные, а сейчас почти расставшиеся. Это нужно и для понимания причин этого расставания. Скажу заранее, это не черно-белая картинка, и будет уместно еще раз подчеркнуть, что каждый индивидуум любой национальности и культуры уникален. В любом обществе всегда найдутся люди, чей характер, склонности и состояние ума будут совершенно противоположны тем, которые приписывают к чертам так называемого национального характера. Однако трудно оспорить и то, что общности в характере народа это то, что составляет его культуру. Описать национальный характер целого народа – задача непростая. Всегда будут люди, не согласные с этими характеристиками, это их право.

Живя в России веками вместе, многие народы так ассимилировались, что теперь трудно найти человека, кто был бы на сто процентов русским в этническом плане даже во втором-третьем поколении. Поэтому, говоря о русском характере, я, конечно, имею в виду, прежде всего, культурный аспект. Семьдесят лет советского правления выровняли разные народы до «новой исторической общности», которую в мире называют просто: русские.

Родившись и прожив всю или большую часть жизни в России, русские евреи в значительной мере русские по культуре; но другая часть их менталитета не принадлежит этому народу, поскольку они рождены и воспитаны в еврейских семьях – не в религиозных или традиционных, а типичных семьях советского среднего класса, еврейской интеллигенции.

Важно иметь в виду, что до Октябрьской революции 1917 года в России существовали классы людей, которые по своему образу жизни, роду занятий и культурному уровню сильно различались, я имею в виду дворянство и простонародье. Дворянство как высший класс имело свои представления о чести и репутации, которые были мало присущи простому народу. Такое мироустройство кардинально изменилось после 1917 года. Более чем двадцатилетнее преследование и истребление «социально чуждых элементов» – бывших дворян и собственников, а также годы красного террора начисто смели с российской почвы дворянство с их культурой и манерами поведения. Сотни тысяч из них эмигрировали. В результате российский народ стал другим, пролетарским, который со временем стал народом советским. Постепенно, к позднесоветскому периоду (1960–1980 годы) сформировались две неравные части этого народа: «синие воротнички», или простой народ (большинство) и «белые воротнички» – интеллигенция (меньшинство). Разница между этими двумя группами была настолько заметна, что мы имели как бы две цивилизации в одной стране. Мои характеристики сфокусированы на простом народе, поскольку он составляет большинство русского народа.

Вы не задумывались: почему, когда говорят о русском национальном характере, то в отличие от других национальностей, как правило, употребляют сочетание *русский человек*, а не просто русский? Аналогичные словосочетания: английский человек, японский человек, сомалийский человек звучали бы довольно нелепо. Возможно, это не только потому, что слово русский звучит скорее как прилагательное, но и потому, что слово «человек» добавляет какую-то дополнительную краску в характер этого народа. И такой краской можно писать только характер народа огромной страны.

Русский человек легковверен и недоверчив одновременно. В пост-советский период начала девяностых, когда «делать» деньги стало второй религией, умный мошенник Мавроди организовал финансовую пирамиду, известную на Западе под названием Понзи (по имени первого мошенника, обманувшего простодушных сограждан). «Инвестмент банк» Мавроди ограбил десятки тысяч людей, отдавших ему свои деньги в расчете на быструю сверхприбыль. Народное доверие мошеннику было до того безграничным, что даже после закрытия этого «банка» и пропажи денег те же ограбленные им люди голосовали за него на выборах в депу-

таты парламента! Он заседал в нем до самого ареста. А люди все несли и несли свои жалкие обреченные деньги, несмотря на перманентный кризис, когда не то, что большой возврат денег был невозможен, но и вообще никакой. Если бы эти люди смогли подумать и посомневаться: а возможно ли в стране с развалившейся промышленностью получить быструю сверхприбыль без обмана граждан? – наверное, несчастных было бы меньше. Аналогичная пирамида была создана Берни Мэдоффом в Нью-Йорке. Разница между русской и американской пирамидами лишь в том, что вкладчики верили Мэдоффу только до того, как разразился финансовый кризис 2008 года. Когда же они поняли, что денег обратно не получить, Мэдофф был разоблачен, и о вкладах в его компанию больше не могло быть и речи. Русские же вкладчики были готовы иступленно нести и нести новые деньги, несмотря на разоблачение Мавроди. Легковерие есть и в политическом аспекте: пропаганда с экранов телевизоров легко внедряется в сознание простых людей, и власти используют эту доверчивость в своих целях.

Недоверие – отнюдь не противоположная черта доверчивости, а ее обратная сторона, и оба эти качества вполне уживаются в одном человеке. Человек не склонен доверять слову, если слышит его не из телевизора или не прочтет в газете. Недоверие и страх причинения вреда существуют на подсознательном уровне. Русский человек не так открыт, как, например, американец; он не будет говорить открыто с кем-то, если этот кто-то не его знакомый. Типичная зарисовка из жизни двух разных обществ: несколько групп людей находятся в одной кабине большого лифта – американцы внутри одной из групп будут разговаривать естественно, не понижая голоса; русские не будут говорить вовсе или будут разговаривать так тихо, чтобы люди другой группы их не слышали. Существовавший веками страх непонятого и незнакомого вызывает и различный подход в отношениях с окружающими людьми: впервые встреченный индивидуум не рассматривается как хороший человек до тех пор, пока он не доказал, что хороший – это типично русский подход, настороженный и закрытый.

Русский человек щедр. Однажды я вел машину по ужасной грязи в отдаленном сельском районе, был дождь, дорогу так размыло, что моя машина забуксовала. Я понял, что без помощи не обойдусь. На мое счастье я услышал тарыхтение трактора на близлежащем поле, подошел и уговорил тракториста вытащить мою машину. Он быстро и ловко подцепил ее и вытащил. Я был так благодарен, что протянул трактористу две бутылки водки, которые случайно оказались у меня в машине. Тракторист вернул одну бутылку мне, сказав, что он не может оставить человека без последней бутылки!

Хорошо известно, что русский характер терпим к трудностям и препятствиям и, как показал опыт столетий, к преследованиям со стороны авторитарного режима, и предпочитает его либеральной власти. Авторитарные правители – русские цари, Сталин, Путин, опирающиеся на своих опричников, любимы народом. Неограниченная власть над институтами – юстицией, парламентом, прессой, прикрытая фразеологией об интересах государства, а на самом деле ширма для абсолютизма – сделала их «крутыми», а значит – и популярными в народе лидерами. Другие лидеры, которые не использовали репрессивных мер для сохранения власти, были нелюбимы, а подчас и презираемы. Такой парадокс проливает некоторый свет на «русскую душу». Граница между народной любовью к правителю и страхом к нему почти невидима. Страх по отношению к верховному правителю и страдание во имя него были всегда необходимыми атрибутами сильной власти.

В характере русского народа глубоко и прочно сидит понятие справедливости, причем справедливость понимается скорее не как воздание каждому по его заслугам, а скорее как распределение поровну. Возможно, поэтому первое в мире социалистическое государство было создано и просуществовало семьдесят лет именно в России.

Отсюда такая нелюбовь (если не сказать сильнее) к богатым и к тем, кто предприимчивее. Чувство справедливости по шкале приоритетов, как правило, стоит выше законопослушания

(назовем это синдромом Робин Гуда) и от этого противоречия иногда возникают проблемы как во внутреннем, так и в международном правовом поле (пример – «Крым наш!»).

По горькой иронии, в стране, где всегда присутствовал страх народа перед государством и его правителями, слышно много заклинаний, как граждане должны любить государство. Эта серьезная особенность взаимоотношений народа и государства фундаментально отличает российское общество от западного. В российском менталитете до сих пор популярна концепция царя, его опричников, бояр и черни, которые служат царю и отечеству. Такое общество не может быть по-настоящему свободным. Свобода появляется только тогда, когда простые люди начинают понимать, что государство у них на службе, а не они у государства.

Русский характер одновременно объединяет в себе такие противоположные черты как сострадание и равнодушие. Даже если кто-то виноват, но страдает, люди симпатизируют ему. Например, Ельцин конца восьмидесятых страдал от обструкции коммунистического политбюро, и чем больше его обвиняли коммунисты, тем большей была поддержка среди народа, в результате чего он был избран президентом. Причина этого скрывается глубоко в православной заповеди – место страдальца после смерти в раю.

Но иногда равнодушие находится за пределами добра и зла. Ужасный пример его проявился в трагическом инциденте с пассажирским теплоходом «Булгария», затонувшим на Волге во время сильного шторма в июле 2011 года. Судно было перегружено людьми. Огромная волна накрыла его с одной стороны; теплоход накренился на один борт, приняв в себя слишком много воды через открытые окна, иллюминаторы и двери, в результате чего потерял стабильность и стал быстро погружаться. Капитаны двух проходящих мимо судов видели людей в воде, пытающихся спастись, и не пришли к ним на помощь. И только третье судно подошло на помощь и спасло несколько человек. Однако большинство погибло, включая тридцать детей. Их гибель, в том числе, на совести тех, кто был в состоянии помочь, но не сделал этого. Что было в душах людей на борту этих двух судов, которые прошли мимо тонущих детей, словно это был мусор в реке? За последние годы появилось много верующих, носящих крестики, как символ веры. Могу предположить, что среди членов команды судов, не пришедших на помощь, были и люди с крестиками на цепочке вокруг их «верующей» шеи. Россия, что с тобой происходит?!

Большинство сегодня готовы обвинять других более, чем себя самих за свои неудачи, но не готовы признать собственную ответственность. Точно так же, как не готовы признать и свою персональную ответственность за коррупцию, за равнодушие или хамство: это не мы, это те, другие.

В чем действительно существует большая разница между Россией и Западом – в повсеместной практике «срезания углов», что тоже отчасти связано с особенностями национального характера – известный всем русский «авось». Под этим подразумевается невыполнение каких-то требуемых правил: от технологических до юридических процедур, правил безопасности или установлений в любой другой области. Люди, обязанные их выполнять, но не выполняющие, почему-то считают, что это не повлечет за собой последствий. Повлечет – не раньше, так позже, но повлечет! Кто не испытывал авантюрный соблазн рискнуть, сделать то, что нельзя или не сделать то, что требуется ради того, чтобы в чем-то выиграть, сэкономить в деньгах, во времени? В десяти или ста случаях это могло срабатывать, но на одиннадцатый или сто первый могло и не сработать... И тогда дурацкий риск оборачивается гораздо большей потерей. Если на Западе выполнение предписанных правил стоит на первом месте, то в России нечасто заботятся об обязательном выполнении даже и небольших правил, – будь то в бизнесе, технологии или безопасности. Да, порядок существует, есть и штат инспекторов, но... инспектор может быть подкуплен, а изделие произведено и без этой тонкой, но необходимой для его качества процедуры. Это одна из причин коррупции. Если с намерением сэкономить не выполнены все правила, скажем, пожарной или строительной безопасности, то понятно, что

инспектор, который «не видит» нарушений, берет взятки. Это может стоить жизни людям. «Срезание углов» – одна из возможных причин технологического отставания России от обобщенного Запада.

Русский человек добросердечен. И хотя он не так общителен, как, например, средний американец, но может открыть сердце и излить душу человеку, с которым сидит рядом. Чаще – за бутылкой. Пристрастие к выпивке у русских, как и полнота у американцев – на национальном уровне. Ничто так не объединяет русских как совместная выпивка; она объединяет даже тех, кто едва переносит друг друга. В компании пьющих тот, кто не пьет, выглядит подозрительно – как человек, не принадлежащий этому теплому кругу лучших друзей. Выпивая, люди чувствуют себя теплее, безопаснее, они любят мир. Правда, не всегда.

Баня для русского человека – это особое место физического и духовного очищения. Столько фильмов и песен посвящено этому действию! Однажды я сказал своему другу Олегу, такому же любителю бани, как и я, как невероятно ароматны березовые веники из России – это запах то ли леса, то ли крепко заваренного чая, то ли мха и еще чего-то до боли знакомого, что дает ощущение глухоты, деревни. Веники, нарезанные на нью-йоркщине, такого ощущения не дают. Олег философски заключил, что это ностальгия. Я отрицал, но потом подумал, что поскольку веники сделаны из березок, то так и быть, пусть это будет ностальгия.

Образ жизни – это то, что объединяло русские и еврейские судьбы в России. Разъединяло же их традиционно разное отношение к ним государства и к самим себе: чем хуже государство относилось к евреям, тем меньшими евреями они хотели себя считать. Интересная особенность – вместо того, чтобы считать себя еще большими евреями в противодействии обстановке притеснения, многие порывали с еврейством, иные крестились. Евреи России, а позднее Советского Союза, всегда были особой частью народа, хотя их роль в разные времена была различной. После отмены черты оседлости основная их часть переехала в индустриальные города, где связь с традициями предков резко ослабла, а уж о религии и говорить нечего – советская власть записала ее во враги. Именно в это время наблюдается рост межнациональных браков евреев с другими этническими группами.

Описать еврейский характер простыми мазками нелегко. Евреи глубоко разделены культурами, среди которых они выросли. Ашкенази, сефарды, бухарские, горские и эфиопские евреи – это как разные нации или даже расы. Не буду характеризовать их всех, а скажу только о русских евреях, относящихся к ашкенази.

К первой еврейской черте я бы отнес чувство принадлежности к своей национальности. Большинство евреев всегда чувствовало свою национальную принадлежность – страна не давала им возможности забыть, кто они. Неважно, каков главный мотив этого чувства – общие традиции и религия, как это есть у религиозных людей, общая судьба и преследования, как было в разных государствах, но это и есть исторические корни. Илья Эренбург считал, что причина чувства принадлежности – преследования евреев: «Начните преследовать всех рыжих и они объединятся». Помню один эпизод из детства. Мне было двенадцать, и мы только что переехали в новую комнату на канале Грибоедова в Ленинграде. Мама пошла записывать меня в новую школу. Она разговаривала с завучем школы, который оказался евреем. Она назвала мое имя, на что он спросил ее на идиш: «Еврейский мальчик?», а затем добавил с улыбкой: «Давайте еще, давайте еще!» Указывая на эту чисто еврейскую черту характера, австрийский журналист Джозеф Рот, описывая крестьянскую общину первых лет социализма в России, заметил: «Русский крестьянин прежде всего крестьянин, а уже потом русский; еврейский крестьянин – прежде всего еврей, а потом крестьянин» (*The Wandering Jews. The Classical Portrait of a Vanished People*. W. W. Norton & Company, NY-London, 2001, pp. 11, 110). Это было написано в двадцатых годах, но правдиво и сейчас.

Другой важной чертой еврейского характера является активное участие (излишне активное, по мнению некоторых) в политической и социальной жизни стран, где они живут. Их

лидерство в политике и бизнесе в таких странах как Россия, Польша и Германия приводило к всплескам антисемитизма. А. Солженицын назвал евреев катализатором общественных процессов в любом обществе. Без сомнения, общее для евреев качество быть первыми в политике, искусстве, науке или индустрии является отличительным. То же качество имеет и обратную сторону: быть первыми не только в хорошем, но и в плохом – это несколько раз сыграло отрицательную роль в истории. Конечно же, плохое в данный момент представлялось им хорошим! Но кто мог знать, чем это может обернуться потом? Достаточно вспомнить число евреев-участников установления советской власти в России или потом – сотрудников НКВД. Революционная дорога в ад была вымощена благими намерениями активистов, в том числе и русских евреев, угнетенных империей! Та власть, приходу которой многие из них активно способствовали, стала убивать их самих в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Коренным народам такая активность, понятно, не нравилась: вы на нашей земле, и вы еще здесь и руководите!

История сделала по отношению к евреям две вещи, способствовавшие появлению и развитию антисемитизма: лишила их страны в результате исторического рассеяния в начале первого тысячелетия н. э. и одарила высоким интеллектом статистически значимое их количество. Сразу оговорюсь, что далеко не все евреи умные или одаренные, более того, говоря словами И. Губермана (по памяти), если еврей-дурак, то это обязательно большой дурак. Однако, ни юдофилы, ни юдофобы не будут отрицать, что без евреев мир и история были бы другими во многих аспектах. А ведь их всего-то – ноль целых две десятых процента от мирового населения!

Отличительная особенность еврейского характера – разнообразие мнений по каждой проблеме. У каждого Абрама – своя программа; у двух евреев всегда три мнения – гласят поговорки. Под программой, естественно, понимается не менее как программа мироустройства! Еврейская традиция дискутировать о чем угодно и с кем угодно стара, как этот мир. Еще библейский предок всех евреев, Авраам, спорил с Богом, чтобы спасти города Содом и Гоморру от разрушения. Нигде непримиримость к соплеменникам с другими политическими взглядами не достигает такой силы, как в Израиле, где еврейские политики собраны в одном месте. Трансформируя высказывание Джозефа Рота о евреях-крестьянах, я бы сказал, что, в отличие от крестьян, еврей-политик – это прежде всего политик, а потом еврей. Старейший ветеран израильской политики, бывший президент Израиля Шимон Перес говорил: «Руководить еврейским народом трудно – мы народ разделенный, упрямый и очень индивидуалистичный, мы народ веры, сообразительный и полемичный». Между прочим, полемика как элемент свободы выражения мнений стала одной из фундаментальных основ демократии в современном свободном мире.

В еврейском национальном характере помогать друг другу, когда речь идет о проблемах. Это если мы говорим о нормальных людях, а не о таком еврее-антисемите, кто готов потопить всех, лишь бы не подумали, что этот еврей-начальник покрывает еврея-подчиненного. Избави нас, боже, от таких соплеменников. Вообще, наличие еврейских ген в человеке вовсе не гарантирует существование в нем отличительных черт еврейского народа. Речь может идти только о статистически значимом количестве людей среди евреев, обладающих подобными чертами. Говоря о взаимопомощи, я не имел в виду, что все евреи – братья между собой. Если два еврея соперничают – это трудная борьба. Много лет назад, еще в России, у меня был еврей-начальник предпенсионного возраста. Его большой головной болью было не дать мне защитить кандидатскую диссертацию, чтобы я потом не стал руководителем группы и не сменил его на этом посту. Я потратил годы на эту борьбу и, в конечном счете, уже в перестроечные времена, стал руководителем группы, после чего услышал от него, уже пенсионера, признание в его неправоте.

Характерная черта еврейского народа – относительно большое стремление к знаниям и образованию. Процент русско-еврейских иммигрантов с высшим образованием наибольший по сравнению с другими иммигрантскими группами. Типичный иммигрант из России нерелигиозен, образование имеет меньшее отношение к религии, чем национальная традиция.

Относительно большое число евреев мира занимают лидирующие позиции в науке, искусстве, бизнесе. До сих пор нет внятных объяснений причин достижений евреев в интеллектуальной сфере. Можно только сделать допущение, что это как-то связано с рассеянием евреев, их потребностью выжить в трудных условиях враждебной окружающей среды. В советские времена такие способности в большой степени могли быть выработаны в результате понимания того неоспоримого факта, что для достижения равного положения на работе и в обществе, еврей должен был стоять на голову выше других, а то и вообще быть незаменимым. С этим мы выросли, это и помогло нам в эмиграции.

Россия глубоко вошла в менталитет и культуру русских евреев. Культурная разница между американскими евреями (нерелигиозными) и их русскими соплеменниками столь же велика, как и между американцами и русскими, кем они фактически и являются.

Американские евреи активны и образованы, но, несмотря на обилие разных еврейских обществ и организаций, они разобщены на персональном уровне – нет общего несчастья, которое долго преследовало бы их. Я не имею в виду ортодоксальных евреев, у которых чувство принадлежности к общине является чуть ли не главным, а говорю о секулярных (нерелигиозных), которые представляют другую культуру и как будто совершенно другой народ. Десятилетия несправедливости и притеснения консолидировали русских евреев, но только потому, что было притеснение. Нет притеснения – нет и консолидации. Американский еврей обладает многими качествами, которые есть и у русского еврея, но у него есть одно свойство характера, которое, как правило, отсутствует у всех русских: он открыт для других людей, потому как не боится, что сказанное им причинит ему вред. Помните пример с группами людей в лифте, разговаривающих в совершенно различной манере ввиду того, что все, сказанное ими, слышно другими? Это и о нас тоже. Вряд ли кто-то из нас будет обсуждать, например, свои личные проблемы в присутствии посторонних в лифте или где-либо из-за подсознательного страха возможного причинения себе вреда. Это то, что сделала с нами культура ограничений и отсутствие свободы выражения мнений. Человек должен родиться в свободном обществе, чтобы не бояться сказать то, что ему нужно сказать.

Трудно оценить, насколько религиозны или секулярны были бы русские евреи, если бы не коммунистический бандаж. Советская власть отобрала возможность этого выбора, пусть и освободила от черты оседлости. В результате они (мы) в значительной мере остаемся мало сведущими в иудаизме как системе ценностей. Меняется мир, меняются и евреи. Из забитых жертв погромов и всюду преследуемых жителей черты оседлости девятнадцатого – начала двадцатого века, евреи стали одним из самых продвинутых в интеллектуальном и духовном плане народов.

В Америке иммигрантов-евреев из России идентифицируют как просто русских. А как иначе? Ведь в Британии евреи – британцы, во Франции – французы, а в Аргентине – аргентинцы. Несмотря на то, что все они такие разные в культурном и даже расовом отношении, что-то важное связывает их между собой. Это наличие общих для всех евреев проблем, а именно: то, что они ненавидимы некоторой (довольно большой) частью человечества; то, что они стремятся к продвижению и первенству. И, наконец, то, что они связаны общей древней историей, которую очень многие из них просто не знают, хотя и чувствуют свою к ней причастность.

После двухсот лет вместе, в одной стране, два народа: один большой, но медленный, другой маленький, но громкий, как супруги, прожившие долгую совместную, но безрадостную жизнь, расстались. Маленький заявил о своем желании уйти, а большой, наконец, не стал этому больше препятствовать. Причин для расставания было много, и будем откровенны, не всегда антисемитизм был главной из них, однако, всегда был в их числе. Сейчас – об этом.

Пятый пункт

Это удивительно, но лучшие советские песни, в том числе патриотические, написаны евреями. Не будем перечислять этих талантливейших композиторов и поэтов, песни которых так любимы в России – все и так их хорошо знают. Именно ими фактически создана советская песенная культура тридцатых-шестидесятых годов прошлого века. Более русскими, чем сами русские, были только евреи Советского Союза! Но пролетарское государство знало, кто есть кто: национальность была прописана в паспорте, и это облегчало ему оценивать людей по их *главному* признаку (наряду с социальным происхождением). Не по паспорту, так по фамилии, не по фамилии, так по внешности – но космополиты и сионисты должны быть разоблачены! Никуда не денешься – будешь отвечать за свою неподобающую национальность!

Антисемитизм не просто удел отдельных людей, называемых ксенофобами, а нечто более глубокое. Многие известные люди, а также выдающиеся личности, ставшими историческими: Мартин Лютер, Вольтер, Вагнер, Чайковский, уже не говоря о великих русских писателях, весьма отрицательно относились к евреям. Это не значит, что они заслуживают отвержения со стороны евреев, которых ненавидели. Будем отделять их высокие таланты от человеческих качеств и не станем платить той же монетой.

Уверен, что огромное число русских людей не делают различия между собой и своими земляками с еврейскими корнями. К сожалению, те, кто делает такое различие и настроен к евреям враждебно, тоже русские. Чем бы евреи ни отличались от народа любой страны, исторически эти различия всегда оборачивались для них проблемами, так как коренной народ в странах, где появлялись евреи, не мог терпеть конкуренцию со стороны чужаков (а евреи России традиционно считались таковыми), вмешивающихся в местные дела. Такая конкуренция заканчивалась погромами (в России, Украине, Молдавии), а ранее – изгнаниями (в Западной Европе) и требованиями свергнуть «еврейское иго». Любой негатив зачислялся на счет всего еврейского этноса.

Историческая справка 2. Корни антисемитизма уходят далеко вглубь истории. Когда на земле появился первый антисемит? Первые найденные исторические записи об отрицательном отношении к евреям датированы третьим веком до нашей эры в древнем Египте. Как отмечает историк Роберт Уистрич, антисемитизм в древнем мире, включая Элладу, возник вследствие того, что никакая другая нация, исключая евреев, не хотела признавать религии своих соседей. Чтобы как-то снести оскорбления от недружественных соседей-язычников, евреи провозгласили превосходство своей монотеистической религии над языческой как имеющей более разумный этический код (Robert Wistrich. *A Lethal Obsession. Anti-Semitism from Antiquity to the Global Jihad.* Random House, New York. 2010, p. 81). Он же отмечает, что первый известный погром произошел в г. Александрии в 38 году н. э. при римском императоре Калигуле. Как видим, погром – не российское изобретение.

Новый тип антисемитизма начался после рассеяния, т. е. потери евреями своего государства ввиду завоевания его римлянами, и расселения их в разных странах Европы и Ближнего Востока. Появление неких пришельцев было воспринято как нежелательное. Ненависть к ним росла по мере осознания аборигенами появившейся конкуренции в торговле и ремеслах, которая часто заканчивалась не в пользу местных жителей. Кроме того, новые люди имели другой внешний вид, необычные черты, иную веру; они строили синагоги, были слишком активны в коммерции. Все это, в конце концов, после десятилетий и столетий противостояния заканчивалось в средние века изгнанием этого народа из разных европейских стран. Условием остаться, которое ставили гонители перед евреями, было порвать со своей религией и культурой. Деннис

Прагер и Джозеф Телушкин назвали два исключения из правила: прими евреи другую религию, их бы не притесняли.

Прагер и Телушкин отмечают, что «поскольку корни антисемитизма заключаются в иудаизме, евреи, в отличие от других жертв расизма и этнической предвзятости, могли почти всегда, за исключением господства нацизма (в Германии в тридцатые – сороковые годы) и... в Испании 14-го и 15-го веков, избежать преследования. В течение тысяч лет и до сегодняшнего дня те евреи, которые отказались от еврейской идентичности и приняли господствующую религию, не преследовались», (D. Prager and J. Telushkin. *Why the Jews? The reason for Anti-Semitism*. A Touchstone Book published by Simon & Shuster, 2003, p. 9).

Назовем третье исключение из этого правила – Советский Союз 1940-х – 1980-х годов. Хотя пост-революционные русские евреи были далеки от иудаизма и большей частью глубоко ассимилированы в русскую культуру, они в той или иной мере (в крупных городах больше) страдали от распространенного в советском обществе антисемитизма.

Советский антисемитизм произошел от дореволюционно-русского и добавил в свой арсенал и новые мотивы. Причины антисемитизма в дореволюционной России, возможно, лежат в различиях в национальных характерах еврейского и остальных народов, населявших Россию. В конце восемнадцатого века глубоко патриархальный русский народ, включая как низшее, так и высшее его сословия, оказался, в результате расширения России на запад, в одной стране с совершенно другим народом, где большинство были люди предприимчивые, хваткие, очень работоспособные, но во всем другие: по культуре, религии, внешнему виду. К этому надо добавить другие праздники и выходные дни и, конечно, зависть к достатку и неприязнь к чужеродцам. Вот вам и гремучая смесь для погромов.

Активная фаза советского антисемитизма берет свое начало с германского вторжения в Советский Союз в 1941 году. Несмотря на ненависть советских людей к немцам после начала войны, германский антисемитизм повлиял на возрождение советского. На фронте с немецких самолетов сбрасывались листовки на русском языке с изображением горбоносого человека и текстом: «Бей жида-политрука, просит рожа кирпича!». Будучи на войне, мой отец уже почувствовал антиеврейские настроения и среди офицеров и командиров Красной Армии. Один из них, офицер политотдела его дивизии, убежденный антисемит, семь раз вычеркивал его имя из списков, представленных от его полка на награждение орденами и медалями. Очень вероятно, что негласное указание ограничить награждение евреев-фронтовиков было спущено сверху.

Позднее, в конце 1945-го, отец возвращался с фронта и по пути сделал остановку в Москве. Там он увидел объявление в газете о том, что Министерству иностранных дел требуется переводчик с английского языка (отец был преподавателем английского до войны). Он позвонил туда по телефону и спросил, действительно ли требуется переводчик. «Да, мы ищем переводчика», – был ответ кадровика. Когда на другом конце провода услышали еврейскую фамилию отца, возникло короткое замешательство, молчание, потом трубка ответила, что объявление устарело и вакансия на эту должность уже заполнена. Этот случай совпал с началом сталинской антиеврейской кампании.

В 1948 году «отец народов» Иосиф Сталин начал открытую анти-еврейскую кампанию борьбы с «космополитами» в Советском Союзе. Это произошло вскоре после образования государства Израиль, когда Сталин понял, что государством-сателлитом Советского Союза Израиль не станет, а будет вести независимую политику. Он также был возмущен осторожным, но явным выражением радости некоторых еврейских активистов среди артистов и деятелей культуры, которые те продемонстрировали в связи с образованием Израиля. Поначалу Сталин поддержал создание государства Израиль, надеясь, что оно будет марионеткой Советского Союза. Основания для такой надежды были в том, что на защиту нового государства от напавших на него арабов были посланы бывшие советские офицеры и солдаты, имевшие боевой опыт Великой Отечественной Войны. Однако через полгода стало ясно, что новое государство

станет, скорее, союзником Запада, но не СССР с его тоталитарным режимом. Рассверипевший Сталин не мог каким-то образом наказать Израиль прямо, и его гнев вылился на советских евреев. Его антисемитизм принял кроважидную форму и проявился в расправе над Еврейским Антифашистским Комитетом и позднее в виде борьбы с космополитами.

Комитет состоял из известных писателей, актеров, журналистов-евреев, которые во время войны, выступая в Западных странах и, прежде всего, в Америке и агитируя там за помощь Советскому Союзу, собрали огромные средства для нужд Красной Армии. Председателем его был великий артист и режиссер Соломон Михоэлс. Первой акцией по уничтожению этого Комитета было убийство Михоэлса в 1948 году. Он был задушен агентами КГБ и брошен под грузовик для имитации гибели под колесами. Официально было объявлено об автомобильной катастрофе. После этого началась неприкрытая травля евреев, обвинявшихся в космополитизме, международном заговоре и заговоре евреев-врачей, а также других смертных грехах.

Репрессивный сталинский антисемитизм продолжался до самой его смерти в 1953 году. Большое число евреев было исключено из партии, снято с работы, отправлено в Гулаг или расстреляно по решению специальных закрытых судебных присутствий, или «троек». Чтобы избежать слов «еврей» или «еврейский» и не быть обвиненными в антисемитизме, «журналисты в штатском» использовали в прессе, фельетонах и обвинениях термин «безродный космополит». Преследовалась еврейская интеллигенция: доктора, ученые, инженеры, деятели искусства, учителя. Кульминацией этой кампании государственного антисемитизма было судебное дело, которое вошло в историю как «Дело врачей». Около дюжины очень известных докторов с еврейскими именами, которые работали в Кремлевской больнице и курировали лечение самой высокой советской верхушки: членов ЦК и Политбюро, были обвинены в попытке убить Сталина и других советских лидеров, прописывая им неправильное лечение. Конечно, эти обвинения были абсолютно беспочвенны, и только сталинская мания преследования послужила основанием для ареста группы врачей. Лаврентий Берия хоть и был главным проводником преступных приказов Сталина, но отдал приказ освободить врачей тотчас после смерти своего шефа – настолько очевидной была их невиновность.

В манере диктаторов всегда было отдавать преступные приказы устно, чтобы не оставлять следов. Так были депортированы чеченцы, ингуши, крымские татары, немцы, болгары, греки, турки, курды и другие, – всего четырнадцать национальностей, в количестве 3 млн. 333 тысяч человек в отдаленные районы Сибири и Казахстана, что и было сделано в 1944-м.

Такую же депортацию планировалась провести и с евреями, только в 1953 году, которая не состоялась в связи со смертью диктатора. Нашлись свидетельские подтверждения.

Так, историк Я. Я. Этингер (сын одного из профессоров, проходивших по «Делу врачей») так описывает свою встречу с Н. И. Булганиным в 1970 году, бывшим Председателем Совета Министров в 1953 году:

«Булганин подтвердил ходившие в течение многих лет слухи о намечавшейся после процесса массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. В середине февраля 1953 года ему позвонил Сталин и дал указание подогнать к Москве и другим крупным центрам страны несколько сотен военных железнодорожных составов для организации высылки евреев. При этом, по его словам, планировалось организовать крушения железнодорожных составов, „стихийные“ нападения на поезда с евреями с тем, чтобы с частью из них расправиться еще в пути... Я задал Булганину вопрос: были ли какие-либо письменные указания Сталина относительно депортации евреев? Он усмехнулся и сказал: „Сталин не дурак, чтобы давать письменные указания по такому вопросу“. Да и вообще Сталин очень часто прибегал к устным распоряжениям, особенно когда он обращался

к членам Политбюро. Он не считал нужным давать письменные указания им. Ведь Сталин общался с нами практически ежедневно.

Н. С. Хрущев рассказывал, уже тоже будучи в отставке, о своем разговоре со Сталиным, как планировалось организовать „народные выступления“ против евреев во время их депортации в Сибирь с тем, чтобы расправиться с ними. По словам Хрущева, опираясь на высказывание Сталина, до места назначения должна была доехать лишь половина.

О плане депортации евреев есть свидетельство Николая Николаевича Полякова, бывшего сотрудника аппарата ЦК ВКП(б), а до этого работавшего в системе органов государственной безопасности*. Перед своей кончиной Н. Н. Поляков решил рассказать об известных ему фактах, связанных с подготовкой депортации. Из записи его свидетельств выясняется, что в принципе решение о полной депортации евреев было принято Сталиным в самом конце 40-х – начале 50-х годов. Н. Н. Поляков был участником мероприятий, связанных с подготовкой выселения еврейского населения. Для руководства этой акцией была создана специальная комиссия, подчинявшаяся непосредственно Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, а ее секретарем стал Н. Н. Поляков. Для размещения депортированных в отдаленных районах страны форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые, секретные зоны. Одновременно по всей стране составлялись списки (отделами кадров – по месту работы, домоуправлениями – по месту жительства) всех лиц еврейской национальности. Причем существовало два вида списков – на чистокровных евреев и на полукровок. Выселение должно было осуществляться в два этапа: чистокровные в первую очередь; полукровки – во вторую. Все это очень напоминало гитлеровскую практику „решения“ еврейского вопроса.

О подготовке депортации евреев рассказывал мне вскоре после освобождения известный историк академик Евгений Викторович Тарле, сам сидевший в начале 30-х годов на Лубянке по вымышленному обвинению. Е. В. Тарле, человек весьма знающий и осторожный, прямо заявил мне, что готовилась депортация евреев в отдаленные районы страны. По словам Е. В. Тарле, евреев намечалось депортировать весной 1953 года в Сибирь, где для них уже были сооружены бараки со стенками в одну доску. И сразу из-за сильных морозов должна была погибнуть значительная часть евреев. Операция, которую курировал лично Сталин (его Тарле глубоко презирал), была разработана во всех деталях, вплоть до составления списка тех, кому суждено было погибнуть в первую очередь, спасаясь от „возмущенных масс“. Это были, в основном, ученые, врачи, инженеры, военные, которых в то время было еще немало в Советской Армии».

В 1996 году вышла книга председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации академика А. Н. Яковлева, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, человека очень информированного и, безусловно, имеющего доступ к самым секретным архивным материалам. В книге, названной «По мощам и елей», говорится: «В феврале 1953 года началась подготовка к массовой депортации евреев из Москвы и крупных промышленных центров в восточные районы страны».

Далее А. Н. Яковлев пишет: «Делалось это со сталинским иезуитством. Дело представлялось так, будто группа евреев подготовила письмо советскому

правительству с просьбой осуществить массовую депортацию евреев, дабы спасти их от справедливого гнева советских людей». Указанное письмо находилось в газете «Правда». А. Н. Яковлев сообщает, что главными организаторами сбора подписей деятелей литературы, искусства, науки – евреев по национальности – были бывший в годы войны генеральным директором ТАСС, а в то время политический обозреватель газеты «Правда» Я. С. Хавинсон, где он выступал под псевдонимом М. Маринин, и академик М. Б. Митин. К несчастью, им удалось собрать значительное количество подписей. В подготовке письма активное участие принимал и академик И. И. Минц.

Далее Я. Этингер приводит проект текста этого письма, которое ему принесла дочь секретаря-машинистки редакции одной из центральных газет, где оно готовилось к публикации по команде сверху:

Ко всем евреям Советского Союза

«Дорогие братья и сестры, евреи и еврейки! Мы, работники науки и техники, деятели науки и искусства – евреи по национальности – в этот тяжкий период нашей жизни обращаемся к вам. Все вы хорошо знаете, что недавно органы государственной безопасности разоблачили группу врачей-вредителей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе американской и английской разведки, международного сионизма в лице подрывной организации Джойнт. Они умертвили видных деятелей партии и государства – А. А. Жданова и А. С. Щербакова, сократили жизнь многих других ответственных деятелей нашей страны, в том числе крупных военных деятелей. Зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Каждый советский человек не может не испытывать чувства гнева и возмущения. Среди значительной части советского населения чудовищные злодеяния врачей-убийц закономерно вызвали враждебное отношение к евреям. Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной Войны. В этих условиях только самоотверженный труд там, куда направят нас партия и правительство, великий вождь советского народа И. В. Сталин позволит смыть это позорное и тяжкое пятно, лежащее сегодня на еврейском населении СССР. Вот почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа». (Этингер Я. Я. *Это невозможно забыть: Воспоминания*/ред. О. А. Зимарин. – М.: Весь мир, 2001. – 272 с.)

Смерть Сталина 5 марта 1953 года спасла евреев от бесчеловечной акции, которая была уготована для тех, кто не погиб на фронте или спасся от Холокоста. Если бы не она, это было бы «окончательным решением» еврейского вопроса в Советском Союзе.

С уходом сталинской эпохи государство прекратило варварские антиеврейские акции, но евреи продолжали испытывать негласный партийный антисемитизм вплоть до конечной фазы перестроечной эпохи. Конечно, официальные лица никогда этого не признавали. Из открыто

репрессивного (конец 1940-х – 1950-е) антисемитизм трансформировался в скрытый в 1960-х – 1980-х годах. Власти поощряли антисемитские фельетоны, публиковавшиеся в центральных и местных газетах, высмеивая людей с еврейскими именами на почве «экономических обвинений», или объявляли их участниками сионистского заговора или как «безродных космополитов». Официальные лица никогда не высказывались по поводу антиеврейских настроений в народе. «У нас в стране еврейского вопроса не существует», – сказал когда-то Н. С. Хрущев. «Это еще одна попытка психологической атаки на Советский Союз», – заявил М. С. Горбачев где-то между 1985 и 1987 годами, отвечая на вопрос, почему не выпускают евреев из страны.

Несмотря на то, что советские евреи были более ассимилированные, чем любые другие, тем не менее, они притеснялись режимом. Даже если еврей считал себя русским, компетентные органы знали, кто он по крови, и его еврейские корни были для него проблемой – повышения по работе он получить не мог. Те, кто такое повышение все-таки получал, – а такие тоже были, – должны были быть абсолютно незаменимыми по способностям и знанию дела.

Поддерживаемый государством, советский антисемитизм 50-х – 80-х годов прошлого века был точно не религиозным, он представлял собой обывательскую разновидность с политической примесью традиционной советской ненависти к Израилю. С одной стороны, евреи, среди которых было много выдающихся ученых, организаторов производства, деятелей культуры, приносящих материальные, оборонные и культурные выгоды режиму, были очень полезны государству, а с другой стороны, большое их число не находило применения своим способностям, особенно в последний период существования Союза, в семидесятые – восьмидесятые годы. В то же время, это был и расовый антисемитизм, поскольку, как бы советский еврей ни отстранялся от своего еврейства (что положительно принималось теми, кто ненавидел евреев именно за их еврейские черты), компетентные и партийные органы все равно не доверяли и не продвигали евреев, отрекшихся от своих соплеменников: национальные связи – сильные связи, считали они.

Три поколения евреев воспитывались в атеистической среде. Не удивительно, что большинство из них далеки от иудаизма или совсем его не знают. YIVO Энциклопедия Евреев Восточной Европы в статье «Советские школы Идиш» указывает, что к 1951 году последние школы Идиш – в Биробиджане – были закрыты. В таких условиях только очень малое число пассионарных евреев начинают скрытно от всех изучать иврит, посещают частные семинары по еврейской культуре и практикуют традиции и обряды. Эти люди хотели понять и принять иудаизм как систему морально-этических ценностей. Практически все они репатрировались в Израиль в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века – как только приоткрылось окошко эмиграции.

Поколения, жившие при советском строе, хорошо помнят, что такое «пятый пункт» – графа в паспорте, указывающая национальность. Этот пункт стал синонимом слова еврей. Если говорили «он не прошел по пятому пункту», было ясно, почему человек не принят на работу или учебу. Все настолько привыкли к таким распространенным случаям, что никому и в голову не приходило удивляться, почему евреи не пользуются равными правами с другими народами: ну как же, и без объяснений понятно – почему!

Советские евреи были глубоко вовлечены в русскую жизнь, культуру, имели русских друзей, родным языком для них был русский. Несмотря на все это, наличие «пятого пункта» было большим недостатком: их не принимали в престижные университеты; большое количество институтов и конструкторских бюро, особенно оборонных отраслей, не брали евреев на работу, а те другие, что брали, никогда не продвигали по служебной лестнице; существовали списки предприятий, куда евреям-выпускникам ВУЗов, даже отличникам, доступ был закрыт. При этом никто и никогда не признавал этого открыто, все делалось тихо, без шума: «А-а, он еврей, ну что поделать, вот вам и причина», – говорилось где-то в уголке, чтобы, не дай бог, не

услышал никто. Такое отношение заставило самих евреев принимать государственный антисемитизм как должное и неизбежное, как первородный грех, смириться и делать поправки в своих жизненных планах с учетом этого явления. Так отвратительное и унижительное положение целого народа, которое ставило ни в чем не виноватых людей в положение граждан второго сорта, стало в представлении этого народа чем-то самим собой разумеющимся.

В самом начале семидесятых я встретил профессора морского училища, которое я закончил несколькими годами ранее. Профессор сказал мне, что заведующий одной из лабораторий ищет толкового сотрудника и добавил, что он (профессор) подумал обо мне как о кандидате на эту должность. Заведующий лабораторией также хотел взять меня на эту должность – он знал меня еще по дипломному проекту, который я выполнял в его лаборатории. Я был очень воодушевлен после разговора с завлабом, и уже ждал официального предложения. Предложения не последовало. Через пару недель я зашел в отдел кадров спросить, принято ли какое-то решение и получил ответ, что эта должность ликвидирована, ее больше не существует. Я тут же позвонил завлабу, спросив, правда ли то, что должности больше нет. Он сказал, что все еще ищет сотрудника на эту должность.

Примерно в это же время я заполнил документы на продление визы для заграничного путешествия. После нескольких месяцев ожидания и многих запросов, человек из парткома как-то мимоходом сказал мне, что виза мне выдана не будет без объяснения причин. «Я имел эту визу раньше, по какой причине мне отказывают сейчас?» – спросил я его. Он не ответил, но пальцем показал на потолок – жест, понятный в России всем. Каждый раз, когда я получал такой пинок, я задавал себе все те же риторические вопросы: почему моя страна так со мной поступает? В чем я виноват перед ней?

Антисемитизм в народе был тоже распространен широко, от этого особенно страдали люди с выраженными еврейскими фамилиями. Всем известно, что дети в школе не очень выбирают выражения, общаясь со сверстниками. Так, иметь такие еврейские фамилии как Розенwasser или Шмуленсон, было большим препятствием не только в карьере, но и в жизни. Понятно, что сверстники издевались, но подчас и некоторые учителя намеренно искажали имена евреев-учеников так, чтобы они звучали совершенно нелепо. Поэтому в послевоенные годы родители практически не давали еврейские имена своим детям, чтобы хоть как-то сделать их жизнь легче в дальнейшем.

Несколько слов о большом труде А. И. Солженицына «Двести лет вместе» о совместном сосуществовании русского и еврейского народов. Не считал, сколько раз в этой книге рассказываются хорошие, а сколько раз плохие истории о еврейской активности в России, но абсолютно очевидно, что великий писатель и историк высказывается отрицательно о евреях в подавляющем большинстве раз. Интересен прием, который он при этом использует. На плохие истории о еврейской роли в русском обществе имеются ссылки на литературные источники. Пытаясь быть «непредвзятым», почти все ссылки на антиеврейские источники имеют авторами евреев, как бы подчеркивая: вот, посмотрите, это они сами пишут о себе, значит, это правда! Коммунистическая газета советских времен «Правда» использовала тот же самый прием для критики политики Запада: обвиняй, ссылаясь на их собственные, – подчеркнем: свободные! – масс-медиа. Если они об этом сами говорят, значит, те действительно плохие! Есть разница в том, когда представители какого-то народа критикуют своих соплеменников от того, когда они же критикуют национальные черты этнически другого народа. Здесь легко перейти какой-то эфемерный рубикон, за которым начинается национал-шовинизм. Это тот случай, когда нужна тонкость и политическая корректность в оценках. В этой теме, с моей точки зрения, Солженицын ее не демонстрирует.

Отличие советского антисемитизма от любого другого состояло в том, что он практически не был связан с неприязнью к еврейским традициям или религии – их проявление было исчезающе мало в советские времена. Он также не был связан со специфически еврейским

родом занятий – ростовщичество, торговля, – как это было в других странах. В средние века евреи, расселенные по странам Европы, резко отличались от местного населения своим внешним видом, языком, религией и традициями, родом занятий. Это питало средневековый антисемитизм. Советский антисемитизм был уникален в том смысле, что евреи не были носителями тех черт, за которые их притесняли в средние века в Западной Европе. Они работали на тех же предприятиях, заводах, институтах, что и люди других национальностей, также одевались и выглядели, не разговаривали ни на идиш, ни на иврит, они не были ростовщиками, не были религиозными и... тем не менее, не чувствовали себя и не были равны с остальными. Так почему же, черт возьми, евреи были бельмом в ясном глазу советской власти?

На мой взгляд, имеются три причины чисто советского антисемитизма. *Первая причина* состоит в том, что среди многих евреев существует склонность к активной роли в политике, индустрии, науке, искусствах, т. е. в тех областях, где можно ярко проявить себя. Это был страх партийного аппарата, чтобы, не дай бог, никто не подумал, что прогресс Советского Союза в разных областях науки и техники очень во многом достигнут благодаря евреям-ученым, изобретателям, конструкторам (что на самом деле и было). Советские правящие круги где-то к семидесятым годам сформировали определенную политику по отношению к евреям, препятствовавшую росту их роли в обществе. Эта политика состояла из «трех не»: *не принимать* евреев на позиции среднего и старшего уровня, а в некоторые отрасли и вообще не допускать; *не продвигать* нигде и никуда, но также и *не увольнять* – это для того, чтобы в глазах общественности, в первую очередь, Запада, показать отсутствие дискриминации, т. е. специальных директив о непринятии еврейских профессионалов. Антисемиты ненавидят еврейскую тенденцию быть слишком активными, и это именно то, чего они боятся больше всего – конкурировать и проиграть.

Существуют разные формы антисемитизма, бытующие и по сей день: религиозный, обывательский и расовый. Если религиозный антисемитизм сложился еще в древности, а обывательский – в раннем средневековье, то расовый антисемитизм – это плод псевдонаучных фантазий, появившихся в девятнадцатом веке и развившихся в двадцатом. Вот слова русского философа Н. Бердяева об этой расовой составляющей:

«Настоящая идеология антисемитизма есть идеология антисемитизма расового, и это самая распространенная форма вражды к еврейству. Германия – классическая страна этой идеологии, ее можно найти и у великих немцев, например, у Лютера, у Фихте, у Р. Вагнера. Евреи объявляются расой низшей, отверженной и враждебной всему остальному человечеству. Но при этом эта низшая раса оказывается самой сильной, вечно побеждающей другие расы в свободной конкуренции», (Н. А. Бердяев. *Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства*).

Будем честны и признаем факт, что число одаренных людей среди евреев-ашкенази выше, чем в среднем по другим этносам. Правда, нет статистики, сколько дураков среди евреев... осмелюсь предположить, что немало. Если народ избранный – то должен быть избранным во всем!

Итак, с 1906 по 2010 год общее количество Нобелевских Премий по литературе, химии, медицине, биологии, физике и Премий мира составило 813, из которых 66, или более 8 %, были присуждены евреям, количество которых в процентном отношении составляет порядка 0,2 %, т. е. в 40 раз опережает долю населения. Такие факты всегда вносили свой вклад в антисемитизм. Худшие проявления антисемитизма наблюдались в обществах с наименьшей степенью толерантности, но с наибольшими традициями зависти. К сожалению, опыт последних лет показал, что и в развитых странах с более высокой толерантностью к другим расам и национальностям антисемитизм может очень даже процветать – некоторые страны Европы

даже обогнали в этом ряд арабских стран. На какой бы почве ни взрастал антисемитизм, слова Черчилля «мы не настолько глупы, чтобы быть антисемитами», думаю, очень точно охватили проблему.

Вторая возможная причина – исторически предвзятое отношение к евреям как к нечестным людям, которые обманывают других, чтобы получить коммерческую выгоду для себя. Не скажу, что это мнение не имеет под собой почвы: да, были и есть среди евреев люди, занимающиеся нечестной коммерцией и жульническим бизнесом. Не буду далеко ходить за примером. Через несколько месяцев после приезда в Нью-Йорк я случайно встретил бывшего сослуживца по институту в Ленинграде. Он переехал в Нью-Йорк раньше меня и попытался организовать свой бизнес по ремонту квартир и домов. Поскольку он только начал, у него еще не было кредитной истории, он не мог получить кредит, а за работу получал только наличными. Он сделал несколько проектов, получил деньги, на которые нанял рабочих для одного большого проекта. Его последним клиентом был религиозный еврей из Бруклинского Боро Парка. После завершения всей работы, клиент отказался платить ему, заявив, что ничего ему не должен, используя незначительные дефекты работы как предлог. К несчастью моего сослуживца, никакого контракта он не оформлял и поэтому после оплаты рабочим оказался совершенно без денег. Я был расстроен, выслушав его историю, в особенности тем фактом, что этот грязный обман был совершен евреем.

Прочитую Н. Бердяева о некоторых национальных качествах евреев:

«Есть еврейское самомнение, которое раздражает... Еврейский народ есть народ полярно противоположных свойств, в нем соединяются черты высокие с чертами низкими, жажда социальной справедливости со склонностью к наживе и к капиталистическому накоплению», (Н. А. Бердяев. *Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства*).

Каждый человек уникален во всем, начиная с молекулы ДНК и кончая умственными способностями, данными природой. Более того, некоторые объясняют свое отрицательное отношение к евреям их интеллектуальными способностями как дающими им возможность обманывать и использовать других людей для своей выгоды. Они обвиняют евреев в лукавстве и нечестном отношении к своим партнерам-нееврейцам. Такие люди имеются в любой национальной среде, но по каким-то причинам, плохие примеры с евреями оказываются достаточными, чтобы распространить эти качества на весь народ. Другие, честные, страдают от предвзятого, отрицательного отношения к евреям. Всегда существовала потребность обвинить кого-то в своих неудачах, и евреи были в этом отношении легкой целью. В условиях постоянных провалов советской экономической системы – неурожай, низкое качество товаров, нехватка всего – необходимо было отвлечь людей от реальных социальных проблем. Легко было обвинить какую-то группу евреев, занимавших, например, крупные посты в торговле, и посадить или расстрелять их за экономические преступления, а чтобы это не считалось проявлением гонений на евреев, разбавляли эту группу одним-двумя людьми других национальностей.

В начале семидесятых годов к первым двум прибавилась и *третья причина*: возмездие за эмиграцию евреев из Советского Союза в Израиль, Соединенные Штаты, Канаду и Австралию, которая к тому времени только начиналась. Теперь все они стали потенциальными предателями! Защита государственных секретов стала предлогом для политики трех «не» (не принимать, не продвигать и не увольнять), а также отказа в выдаче выездных виз, когда многие люди «сели в отказ» на годы, разрушив свои судьбы. Это была смесь ненависти и зависти. Зависть к тому, что только евреям давалась привилегия выехать из страны, жизнь в которой становилась все более трудна для всех граждан, включая и антисемитов.

Негативное отношение к евреям явилось причиной того, что часть из них больше не хотела ассоциировать себя с ними: они скрывали свою еврейскую родословную, изменяли

фамилию, чтобы звучала по-славянски. Это, однако, не очень помогало в их судьбе, ведь пятый пункт оставался тем же. Полукровки (наполовину евреи) с одним нееврейским родителем имели специфический статус. Практически все они выбирали нееврейскую национальность для записи в паспорте. Фактически, ситуация с национальностью зависела от того, кто был неевреем – мать или отец. Если это была мать, то ребенок все равно носил фамилию отца-еврея и ему приходилось трудно, даже если он был записан русским. Иногда такой подросток, достигнув 16 лет, брал по совету старших фамилию матери и становился русским по имени и по паспорту. Не следует думать, что этот ребенок больше не имел проблем с национальностью – была еще проблема внешности. Если он был похож на еврея, т. е. на отца, национальные проблемы не обходили его стороной, но если он был похож на мать, считалось, ему крупно повезло в жизни. Если же, наоборот, ребенок имел отца-нееврея и маму-еврейку, результат был несколько другой: ребенок носил русскую (украинскую, татарскую или другую) фамилию и правильную запись в паспорте. Этот ребенок вполне мог считаться евреем по Галахе (законам иудаизма, регламентирующим религиозную, семейную и общественную жизнь верующих евреев), но русским по всем остальным показателям. Советский космонавт семидесятых годов Борис Волинов является наполовину евреем по материнской линии. При внешности славянского типа и правильной записи в паспорте он стал космонавтом, хотя как он сам потом рассказывал, не без проблем. Чем больше еврейских признаков было у советского человека, тем меньше шансов у него было преуспеть. У кого была еврейская фамилия, оба родителя – евреи, еврейская внешность, соответствующий пункт в паспорте, тот, благодаря всему этому набору, не имел в советском королевстве никаких шансов.

Что-то определенно изменилось после шестидневной арабо-израильской войны 1967 года, когда маленькое еврейское государство одержало фантастическую по произведенному эффекту военную победу над тремя огромными арабскими армиями. Изменение произошло не в отношении к евреям в России, а в самосознании существенной части самих советских евреев. Советские газеты освещали эту военную акцию, насколько можно преуменьшая ее значение, и в то же время, сравнивая израильтян с нацистами. Нашлись и придворные евреи, которые стали обличать израильскую военщину. Тем не менее, все в Союзе были шокированы. Эта победа разрушила представления антисемитов, что евреи, якобы, плохие солдаты, старающиеся избегать поля битвы, чтобы спасти свою жизнь.

Мой дальний родственник Борис, подполковник Советской Армии, в то время только что вышел в отставку. Когда мы обсуждали победу Израиля, он сказал мне, что для него неважно, кто прав, кто виноват в этой войне политически, но он счастлив оттого, что евреи показали миру свою отличную военную подготовку, силу и боевой дух. Конечно, та военная победа 1967 года ничего не изменила в антисемитах, но мы почувствовали себя намного лучше, зная, что еврейское государство и нация способны побеждать врага, превосходящего их числом, но не умением.

Анекдоты на еврейские темы всегда были популярны. Но анекдоты пятидесятых – шестидесятых годов отличались от тех, что рассказывали в восьмидесятых – девяностых.

Если первые описывали евреев хитрыми и трусоватыми, то последние показывали их уже сообразительными и умными. Некоторые тайно завидовали по поводу возможности евреев эмигрировать: у других народов страны победившего социализма такой возможности не было, а хотелось сильно.

В постперестроечный период любимой темой ненавистников стало непропорционально большое участие евреев в социалистической революции (в советские времена об этом почему-то ни слова не было слышно!). Да, евреи сыграли значительную роль в большевистской революции и становлении репрессивного государства, и перестроившиеся антисемиты стали обвинять евреев в том, что это они сотворили такой режим для русского народа. Еврейские писатели также дискутировали эту болезную тему, и кое-кто даже призвал евреев попросить прощения

у русского народа. Насколько широко описана и известна роль евреев в совершении революции в России, настолько малоизвестна их роль в создании оборонного могущества Советского Союза. Не буду перечислять имен генеральных авиаконструкторов, конструкторов вертолетов, атомных подводных и надводных ракетносцев, танков, комплексов систем противоракетной обороны – они даны в книге военного историка Марка Штернберга (М. Штернберг. *Еврейский щит СССР*). Почему же об этой стороне еврейской активности почти неизвестно?

Это правда, что много еврейских активистов участвовали или руководили революцией и затем творили злодеяния в двадцатых – тридцатых годах «во имя торжества коммунизма». Изложу свои соображения на этот счет.

Первое. Да, евреи активно участвовали в русской революции. Не только евреи совершили революцию и участвовали в чистках и репрессиях. Если мы говорим о национальностях, то непропорционально большое число поляков и латышей также принимали в этом участие. Но это была русская революция, и если бы она не нашла поддержки в среде простого русского народа, ее не состоялось бы вовсе.

Второе. Евреи десятилетиями страдали от унижения и погромов, запертые в пресловутой черте оседлости. Естественным было их желание избавиться от антисемитского самодержавного режима и получить равенство с другими народами Российской Империи. Они надеялись, что социальная революция освободит их, поможет получить свободу жить там, где они хотят, и делать то, что хотят. Что еще можно ожидать от этих людей, как не стремления вырваться из смиренной рубашки черты оседлости, где без доступа к культуре, к высшему образованию они были обречены на деградацию? Унижаемые той властью и антисемитским большинством, евреи поверили, что большевистская власть освободит их народ. Не было другой надежды обрести свободу, а вместе с ней – и новые возможности, иначе, чем поддерживая и укрепляя советский режим, который поначалу не виделся таким кровавым, каким он оказался. Евреи увидели свет надежды. Многие из них в порыве ли, или под давлением обстоятельств решили отказаться от своей культуры и традиций, порвать с этнической идентичностью в пользу нового интернационального коммунистического братства. Это привело многих евреев к участию в большевистской деятельности и революции. Они со всей страстью служили этой революции. Да, были пламенные революционеры-евреи, за которыми стояли кровавые злодеяния беспощадной революции, были Троцкий и Урицкий; были разного рода Швондеры, которые преобразовались в чекистов и те, кто их сменил: Ягода, Фриновский, другие палачи НКВД. Но были и поляки Дзержинский и Менжинский, латыши Петерс, Лацис, Уншлихт, Эйдукс, грузины Берия, Гоглидзе... В любой этнической группе были свои злодеи, принимавшие участие в репрессиях НКВД: евреи, русские, латыши, поляки, украинцы... И всё же, мне стыдно именно за еврейских деятелей, участвовавших в кровавом колесе, которые потом и сами не избежали расстрелов и лагерей, но все равно вошли в историю как жестокие комиссары, оперативники, следователи НКВД. Ненавистники евреев не называют преступления русской революции русскими, латышскими или польскими, они называют их еврейскими.

Третье. В двадцатом веке было совершено два преступления на глобальном уровне: коммунистический и фашистский геноцид. Носители фашистской идеологии организовали геноцид, потому что такова была их философия – убивать евреев и тех, кто сопротивлялся. Аналогично, сталинский режим истреблял несогласных, потому что расстрелы внутренне присущи тоталитаризму еще и ввиду подковерной конкуренции, они – его неотъемлемая часть. Участие евреев в коммунистических репрессиях было, помимо страха неподчинения, еще и потому, что и среди них были свои мясники, точно так же как и среди других национальностей. Однако они совершали это не потому, что такова еврейская идеология – многие из них начинали как искренние борцы. Говорить, что это была еврейская революция, все равно, что сказать, что украинцы или литовцы или белорусы совершили Холокост по отношению к евреям, т. к. их

полицей участвовали в расстрелах евреев в Украине, Литве, Белоруссии. Никто не перекладывает вину за Холокост с немцев на украинцев. Но всегда находится кто-то, кто перекладывает вину за преступления советского репрессивного режима со всех его участников на евреев.

К середине тридцатых годов еврейский оптимизм по отношению к советской власти сменился страхом за себя и своих детей. Опять сошлюсь на Н. Бердяева, который указывал на то, что вина за революцию 1917 года лежит на всех, а не только на евреях:

«...Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные еврей-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах. Троцкий есть главный предмет ненависти. Евреи играли немалую роль в революции, они составляли существенный элемент в революционной интеллигенции, это совершенно естественно и определялось их угнетенным положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что и евреи прибегали к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью евреев, а специфической и отвратительной особенностью революции на известной стадии ее развития» (Н. А. Бердяев. *Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства*).

Активная роль евреев в коммунистической революции обернулась болезненной страницей в истории русского еврейства.

После смерти Сталина и до падения Советского Союза евреев как народа словно и не существовало в Союзе: ни культуры, ни образования, ни упоминаний. Родители-евреи, как правило, и не пытались воспитывать еврейское самосознание у детей. В результате, большинство русских евреев очень мало знают о еврейской истории и иудаизме, но имеют гораздо более широкие познания о русской истории как истории титульной нации.

По тому, насколько хорошо (или плохо) относятся к евреям люди коренной национальности в любой стране, я бы разделил их на следующие группы:

Те, кто любит евреев (назовем их «любители»). Например, я знаю женщин, которые предпочитают выходить замуж за еврейских мужчин, ценя их как хороших семьянинов. Я даже знаю русскую женщину, которая после развода с евреем опять вышла замуж за еврея.

Те, кто нейтральны по отношению к евреям и относятся к ним абсолютно также, как и ко всем остальным (назовем их «нейтралы»). В молодости я встречался с несколькими русскими девушками, которые в ответ на мой вопрос, что ты знаешь о евреях и антисемитизме, отвечали «ничего».

Те, кто, в общем, не любит евреев, но признают высокий профессионализм некоторых из них: докторов, адвокатов, и пользуются их услугами (это «прагматики»).

И, наконец, те, кто ненавидит евреев и никогда не будет прибегать к их помощи («ненавистники»). По моим наблюдениям, «прагматики» и «нейтралы» составляют большую часть населения России. Соотношение между этими группами может изменяться в зависимости от внутренней политической ситуации и уровня государственного антисемитизма.

Внутренняя политическая атмосфера сменялась с приходом каждого нового вождя, но это не оказывало сколь-либо существенного влияния на отношение к советским евреям. К сожалению, так было всегда: от прихода следующего правителя евреи ожидали только худшего.

Ехать или не ехать?

С последним евреем мы похороним последнего русского интеллигента.

Марина Цветаева

Историческая справка 3. «Начиная с 1989 года, массовая эмиграция достигла таких масштабов, что впервые стала играть основную роль в сокращении численности евреев в Российской Федерации. В большинстве других постсоветских государств падение численности евреев вследствие эмиграции было ещё более быстрым. В целом, темп этого исхода оказался даже выше, чем тот, что был при массовой эмиграции евреев из Российской Империи на рубеже XIX и XX веков.

Всего за четыре десятилетия (1970–2009 годы) территорию бывшего СССР покинули более 1,9 млн. евреев вместе со своими родственниками-нееврейями. Подавляющее большинство – свыше 1,6 млн. – сделало это в 1989–2009 годах, когда количество эмигрантов в 5,6 раза превысило их число за предшествующий период 1970–1988 годов. Из всех выехавших в 1989–2009 годы около 998 тысяч человек (61 %) направились в Израиль. Число евреев и членов их семей, переселившихся в тот же период в США, может быть оценено примерно в 326 тысяч. Количество мигрировавших за этот период в Германию составило 224 тысячи» (Марк Тольц. *Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки*. Демоскоп, № 497–498, 6-19 февраля 2012).

Вопрос «ехать или не ехать» стоял перед всеми евреями всегда. Его решали древние евреи со времен нахождения в Египте три тысячи лет назад (по Библии), решали они и после завоевания в 67 г. н. э. римлянами Иерусалима и разрушения Второго Храма, решали они его и в средние века в Европе, если только их не изгоняли, а давали возможность уйти самим, что было редкостью. Причины бегства евреев в разные времена были рабство, изгнания, погромы, преследования. Для многих из них в двадцатом веке главным стало возвращение на историческую землю Израйля.

За тридцать последних лет двадцатого века примерно три четверти евреев покинули бывший Советский Союз и его республики. Посмотрите, куда был направлен вектор отъезда евреев (кроме Израйля – здесь работают другие мотивы): Соединенные Штаты, Канада, Австралия – страны, население которых состоит из иммигрантов в различном поколении, при отсутствии титульной нации, и где национализм не имеет этнического базиса. Исключение составляет Германия, но немцы несут в себе такой комплекс поствоенной вины, начиная с 1945, что переселившиеся туда еврейские мигранты чувствуют себя весьма неплохо. Направления отъезда известны, а главные причины? Одна из главных причин – это усталость жить в стране, где ты считался неправильным доведением к правильной системе.

Проблема эмиграции евреев из Советского Союза зародилась задолго до того, как сотни тысяч их направились в западном и южном направлениях. Еще в середине пятидесятых годов это был крохотный ручеек из нескольких десятков человек, которым разрешили выехать в Израиль. Примерно в это время один из моих дальних родственников, у которого родной брат давно жил в Израйле, подал прошение разрешить ему навестить брата. Власти ответили: хочешь к брату – уезжай насовсем, но просто навестить не разрешили. Он остался. Почему не разрешили навестить брата? Ответ прост: после возвращения он определенно решит уехать насовсем, да еще и будет склонять к отъезду многих других, чего советская верхушка боялась как огня – советский народ должен быть монолитным.

Тем не менее, с 1971 по 1979 годы эмиграция выросла почти в четыре раза: с 13 до 51 тыс. человек. Соглашение между Соединенными Штатами и Советским Союзом в тот

период больше походило на обмен: вы продаете пшеницу кормить нас, а мы разрешаем евреям выезд из страны. Таким образом, евреи служили разменной монетой в советско-американских отношениях. Разрешения давались с условиями: должно быть формальное приглашение от какого-то родственника из Израиля, а также выезжающий не должен был иметь доступа к закрытой информации в течение пяти лет. Последнее использовалось властями как предлог не давать выездную визу тем, кого они хотели наказать. В 1982 г. власти, однако, резко сократили эмиграцию, заявив, что те, кто хотел уехать, уже уехали. Никто и предположить не мог, что эта намеренная остановка будет последней перед прорывом широкого потока отъезжавших, начавшимся в самом конце 80-х и ослабевшим только в конце девяностых годов.

Причиной остановки эмиграции начала восьмидесятых было ухудшение отношений с Соединенными Штатами в связи с советским вторжением в Афганистан. В 1981 году пришел Рональд Рейган, новый президент Соединенных Штатов, более решительный и сильный, чем его предшественник Джими Картер. Его язык по отношению к Советскому Союзу был прямой: «империя зла» и «коммунизм это печальная и чуждая глава истории человечества, последние страницы которой сейчас пишутся». Политика Рейгана сыграла критическую роль в разрушении коммунизма как мировой политической системы. Импорт пшеницы в СССР был переключен с США на Канаду, и большинству из подавших заявления на выезд стали отказывать. Так появилась целая категория «отказников», потерявших в результате этого работу, положение в советском обществе и зарабатывавших на жизнь работой в кочегарках и на погрузках-разгрузках.

Решение, которое большинство русских евреев должны были принять, было самым важным и, может быть, самым трудным в их жизни. Оно было особенно трудным, если тебе за сорок, если ты имел привычную работу, круг друзей и знакомых, квартиру – в общем, все то, что определяет устоявшийся стиль жизни. В начале семидесятых только самые решительные шли на это. Все остальные только дискутировали: ехать-не ехать. Многие из старшего поколения, особенно прошедшие войну, были настроены критично по отношению к отъезжавшим, и это иногда принимало драматический оборот, когда уезжали их дети с внуками. В критическом для таких ветеранов выборе – страна или дети, они чаще всего выбирали детей и эмигрировали вместе с ними. Я также знаю русских людей, которые говорили своим друзьям-евреям: если у вас есть такая уникальная возможность, то почему бы ею не воспользоваться. В общем, во многих еврейских умах царилась большая сумятица по поводу возможности отъезда.

Для русских евреев пришло время определиться, будут ли они жить в стране, где родились, или покинут ее, вступая в неопределенное для себя будущее. Два противоположных голоса боролись почти в каждой еврейской душе. Первый убеждал в том, что это немислимо: покинуть страну, где ты родился и где все твои корни, язык, культура. Это страна, где наши отцы проливали кровь и гибли в войне с фашистами, где наши деды были освобождены от черты оседлости, и где ты сам провел свое детство, где все знакомо и привычно, и любые, даже самые незначительные события так понятны и предсказуемы. Голос же с другой стороны постоянно спрашивал тебя: как ты можешь продолжать жить в стране, имеющей антиеврейские традиции, где существует негласная инструкция не продвигать по службе и не принимать даже на чуть-чуть более ответственные должности евреев, стране, где имели место постыдные погромы и кампании борьбы с космополитами и готовившей массовую депортацию евреев в Сибирь, стране, где выглядеть евреем или иметь еврейское имя было, как бы сказать помягче, неудобно? Эта дилемма не давала покоя практически каждой еврейской семье, и я знаю семьи, которые распались по причине отъезда или неотъезда.

Процесс принятия такого решения иногда длился годами. В начале семидесятых число семей, решившихся на отъезд, было сравнительно невысоко. Тем не менее, власти под разными предложениями не разрешали выезд многим из них, и поэтому росло количество отказников, полу-

чивших в общественном мнении статус «предателя», но остававшихся в Союзе. Представьте себе – вы живете в стране, где вас считают предателем. К счастью, думающих так было меньше. Друзья уважали вас за смелое решение; другие вас ненавидели за то же самое.

«Ехать или не ехать?» – это был стратегический вопрос, обсуждавшийся чуть ли не на каждой вечеринке, где собиралось двое или более евреев. Если двое евреев что-то оживленно обсуждали, к ним подходил третий и говорил полувсерьез: «Не знаю, о чем вы разговариваете, но ехать надо!» Никто даже не спрашивал, куда ехать, все понимали всё. Состояние «отъезда» было длительным статусом с подготовкой документов, ожиданием визы, продажей или раздачей домашнего скарба, накопленного десятилетиями. В течение этого времени и до самого отъезда друзья и знакомые восхищались и удивлялись храбрости отъезжающих и каждый раз при встрече мысленно прощались. Это было особенно таинственно и оттого еще более интригующе во времена отъезда самых первых в начале семидесятых. Слова знакомых тебе с незапамятных времен людей «мы уезжаем» звучали как выстрел – неожиданно, громко, шокирующе, как приговор нам, остающимся, никогда больше не видеться с людьми, с которыми связано так много. Эмигранты той поры были решительными, морально готовыми к неизвестным вызовам и менее терпимые к системе, построенной на лжи. Те, кто ехал в Израиль, были приверженными идеям сионизма людьми и оттого – вызывающими уважение. Намерения тех, кто уезжал в Америку, были более понятны – все-таки там нет войн, как в Израиле. Но, примеряя рубашку всех отъезжавших на себя, далеко не многие были готовы пройти через все то, что проходили те первые эмигранты.

Но вот решение принято, и следующей проблемой была работа. Непосредственно перед подачей заявления в ОВИР (Отдел Виз и Регистраций) на получение выездной визы, заявитель должен был уволиться с работы, т. к. на следующий день эта информация будет известна в отделе кадров со всеми вытекающими последствиями. Если человек не увольнялся, он подвергался остракизму и публичному осуждению. Получение такой визы могло занять месяцы, если не годы, и вопрос заключался в том, на какие средства отъезжающий мог жить все это время. Поэтому поиск временной работы представлял серьезную проблему. Если будущий эмигрант был удачлив, он находил работу сторожа или кочегара в котельной, т. е. там, где никому нет дела, кто ты и куда ты вознамерился уехать.

История, которую я расскажу, была типична для отъезжающих из Советского Союза в семидесятые – восьмидесятые годы. Мои друзья, Гриша и Валя, семейная пара, – они же были моими коллегами по работе в институте, – собрались уезжать. Сейчас мы живем в получасе езды друг от друга и когда встречаемся, иногда вспоминаем то пресловутое профсоюзное собрание.

На дворе был 1981-й. Начну с того, что с момента, когда Григорий подал документы на выезд в ОВИР, неприятности у него и Валентины начались буквально на следующий день. ОВИР информировал местное отделение КГБ, которое, в свою очередь, послало уведомление в институт об политической неблагонадежности двух сотрудников и их намерении выехать. Как только спецотдел института (фактически, филиал КГБ) получил это уведомление, об этом узнали все и в других отделах. И сразу как будто прозрачная стена выросла между этой парой и сотрудниками – стена страха, негодования и скрытой зависти. Реакция коллег на их отъезд была различной, ее невозможно было предугадать. Можно ли было ожидать от члена парткома института реакции сочувствия и понимания того, через какие моральные испытания они сейчас проходят? Представить такое было невозможно, но именно он подошел к ним, естественно не как член парткома, и сказал пару человеческих слов. Таких, как этот член парткома, было немного, но они были. Свои чувства по отношению к Григорию и Валентине они выражали скрытно, опасаясь навлечь на себя проблемы. Другие, среди которых были и бывшие друзья, не скрывали своей враждебности к «предателям».

Чувствовалось, что руководство института в растерянности: еще бы, один из ведущих его сотрудников вознамерился уезжать в Израиль! Они должны были как-то реагировать на это происшествие, но не придумали ничего другого, как перевести обоих в другой отдел, где работал и я. Всем было понятно, что долго это продолжаться не будет, и оба они должны будут уйти из института.

Для начала руководство устроило профсоюзное собрание, на котором состоялось лишение их звания... «ударник коммунистического труда»! Сейчас эти мероприятия воспринимаются чуть ли не со смехом, а тогда это был настоящий суд инквизиции. Начальник отдела выступил первым, он обвинил семейную пару в предательстве родины и заключил свою гневную речь, сказав, что они не заслуживают высокого звания «ударник коммунистического труда». Партийные и профсоюзные начальники тоже обличали предателей. Затем приступили к голосованию. Никому из сотрудников не нужны были проблемы, и все проголосовали за исключение. По иронии, через пятнадцать лет, когда я намерился сделать тот же шаг, что и Гриша с Валей, те же люди, которые обвиняли их ранее, устроили застолье с моими проводами. Но это была уже другая страна, другая эпоха. Ничего в умах людей не может считаться раз и навсегда заданным, приходит время, когда многое может повернуться на 180 градусов.

Собрание проводилось утром. В этот же день в обеденный перерыв одна из наших сотрудниц принесла в отдел торт по случаю своего дня рождения. Она пригласила всех сотрудников отдела на торт, но не Гришу и Валю. Тогда я подошел к Тамаре (так звали эту сотрудницу) и попросил их пригласить тоже. Тамара заявила, что не обязана приглашать предателей, и я отошел, понимая, что на этом нужно поставить точку. Возможно, она донесла об этом разговоре начальнику отдела, потому что примерно через час он вызвал меня и сказал: «Ты что, не понимаешь, что нельзя демонстрировать свою симпатию к людям, предающим свою страну?» Я ответил ему в том смысле, что делу людей на хороших и плохих, а эти люди не сделали мне ничего плохого. То, что они уезжают – это их личное дело, за что же я должен их ненавидеть? Он посмотрел на меня и угрожающе сказал: «Надеюсь, ты меня понял!» Я вышел из его кабинета, пытаюсь понять, что он может предпринять против меня. Я был младшим научным сотрудником – он не может меня понизить младше младшего; он не может уволить меня без какой-либо причины; он не может отменить мое повышение, поскольку никто и так не собирается меня повышать. И тогда я подумал, что все-таки неплохо, когда у тебя нет ничего, чего бы ты боялся потерять!

К тому времени большинству русских евреев уже было нечего терять: политика партии сделала свое дело. Евреев не принимали на ответственные посты, не продвигали по службе, не зачисляли в престижные вузы. Спасибо на том, что, закончив борьбу с космополитами после смерти Сталина, государство не отнимало их жизни и не сажало в лагеря, если только они не были открытыми диссидентами. Немногим, правда, было что терять. Иначе, чем объяснить то, что некоторые известные еврейские артисты, писатели, военные деятели, активисты культуры появлялись на экранах телевизоров на пресс-конференции, обвиняя Израиль и тех, кто туда уезжает? Страх и привычка присоединяться, хотя бы формально, к официальной доктрине, чтобы не быть преследуемым и не потерять то, что есть. Их обвинять легко, но каждый должен задать себе вопрос: а было бы у меня достаточно мужества сказать в то время «нет» той власти?

Несколько поколений советских евреев прожили, как сказал Черчилль, «в равном распределении бедности». После кровавого периода тридцатых-сороковых годов они привнесли в свою жизнь специфичный код не просто выжить, но жить прилично и насколько возможно, безопасно. Это означало, что пламенных революционеров типа Троцкого или партийных функционеров типа Мехлиса больше нет и не будет, а будут профессионалы-евреи – инженеры, врачи, учителя, которые, несмотря на препятствия, поставленные советской властью, все же пробивались к образованию и интеллектуальным профессиям. Этот социальный слой (во многом этнический, в котором было много евреев), стал синонимом слова «интеллигенция». С годами

противоречия между этим социальным слоем и властью трансформировались от поддержки и участия в двадцатых – начале тридцатых годов к страху тридцатых – пятидесятых и, наконец, к презрению прогнившей власти со стороны интеллигенции в шестидесятых – восьмидесятых годах, которое, в конечном итоге, привело к массовой еврейской эмиграции, когда это стало возможно.

Для евреев-членов партии было еще одно дополнительное и неприятное испытание – выход из партии. Пройти через этот барьер было трудно: собирались большие партсобрания для обсуждения только одного вопроса – исключение из партии еврея, подавшего документы на выезд за границу на постоянное место жительства. После многочисленных обвинений и осуждений в предательстве человека с позором выгоняли из партии. Часто всем этим обвинениям подвергались пожилые ветераны Великой Отечественной Войны, которые защищали Советский Союз не в кабинетах партийных комитетов, а в окопах на передовой. У ветеранов войны отбирались все награды, за которые они проливали кровь на фронтах, а сейчас уезжали вслед за детьми и внуками. Для них это была как средневековая инквизиция – слышать от ничтожных партийных клерков слова обвинений в предательстве. Но были и другие собрания, больше похожие на анекдотичные. Я знаю одного бывшего работника торговли, которую перед ее отъездом исключали из партии на партийном собрании торга за ее отъезд. «Когда все собрались, – рассказала она мне, – я попросила слово первой, мне разрешили говорить. И тогда я сказала: „Я уезжаю, и у меня есть на то свои причины, которые никого из вас не касаются. Если только кто-то попробует меня здесь травить и обличать, я обещаю, что напишу письмо в ОБХСС (Отдел Борьбы с Хищениями Социалистической Собственности во времена СССР), где опишу все ваши махинации, и вы будете сидеть все! Исключайте меня из вашей партии, да побыстрей!“». Ее тут же по-тихому исключили, и все сразу разошлись.

Со временем все большее число евреев подавали заявления на отъезд, но при постоянной квоте на число выдаваемых выездных виз все большее число людей садилось «в отказ». Чтобы принудить советское правительство выдавать выездные визы всем евреям, желающим эмигрировать, в американском конгрессе была принята поправка Джексона-Вэника, ограничивающая продажу некоторых товаров в Россию, в дальнейшем получившая название «отпусти мой народ». В 1974 году генсек Брежнев и президент Форд договорились увеличить квоту на отъезд, таким образом дав возможность выехать десяткам тысяч евреев. Тем не менее, большинство из них все еще решало главный еврейский вопрос того времени: ехать или не ехать? Такой вопрос возникал не раз и не два, а много раз в течение последних двух тысяч лет еврейской истории. Он разделял еврейские семьи и даже часто разрушал их по этому принципу. Если родители были разведены, и бывшая жена собиралась эмигрировать с ребенком, она должна была получить разрешение от отца ребенка. Некоторые бывшие мужья использовали это для шантажа и получения денег. Другие соглашались не разводиться до отъезда, чтобы не разрушать семейный план; третьи использовали фальшивые браки только чтобы выехать. Поскольку было много смешанных браков, в ходу была поговорка: еврейская жена это не только заботливый партнер, но и средство передвижения.

Итак, разрешение получено, документы готовы. Что дальше? В отличие от восточно-европейских евреев, собиравшихся в эмиграцию в начале 20-го века, советские евреи изучали английский перед отъездом и совсем не полагались на родственников, обосновавшихся в Америке ранее. В аэропорту Вены, служившим пунктом пересадки, одни выбирали Израиль местом своего назначения как свою историческую родину, другие – Соединенные Штаты как наиболее притягательную страну почти для всех эмигрантов. Тогда их направляли в Рим, где и решалась их судьба. Через несколько месяцев они уже находили себя в Америке.

Как они обосновывались в новом для них мире? Я процитирую Джозефа Рота, известного австрийского журналиста и писателя двадцатых – тридцатых годов, обрисовавшего в 1926 году судьбы предыдущей волны эмигрантов из Восточной Европы начала двадцатого века:

«Многие возвращались обратно. Еще больше оставались на обочине жизни. У евреев Восточной Европы больше не было дома, их могилы находились на каждом кладбище. Многие разбогатели. Многие прославились. Многие внесли выдающийся вклад в другие культуры. Многие потеряли себя и мир. Многие так и остались в гетто, и только их дети смогли покинуть его. Большинство отдали Западу как минимум то, что могли. Некоторые дали ему больше, чем он дал им. Право жить на Западе принадлежит тому, кто способен жертвовать чем-то во имя этого» (Joseph Roth. *The Wandering Jews*. W. W. Norton & Company. NY-London, 2001, p. 110).

Это было написано более девяноста лет назад про евреев, иммигрировавших в начале двадцатого века, но сказанное характерно и для последующих волн еврейской эмиграции. Поток иммигрантов 1990-х шел своими путями сообразно технологическим и культурным изменениям конца прошлого века, но судьбы людей все так же определялись простыми и объективными концепциями типа «счастлив-несчастлив» и «есть материальный достаток – нет достатка». И люди уезжали, как бы отвечая «да» на шекспировский вопрос «быть или не быть?»

Дополняя мотивы отъезда, должен отметить, что много лет моя национальная идентичность беспокоила меня потому, что было нечто неудобное в момент, когда надо было показывать свой паспорт, где после имени, отчества, фамилии и года рождения в пункте национальности было написано «еврей», а уж произносить это слово было и вовсе неприлично и звучало неприятно, как удар дубинкой. Ну а если ты и по языку и культуре – русский, и только пресловутая запись в твоём паспорте как будто ставит диагноз о твоей неполноценности? Этот штамп может ударить тебя везде – в говорливой очереди за заморскими бананами, когда слышишь о черном ходе с которого «они» получают дефицитную жрачку; в шутке товарища по учебе, который сострил, сказав, что быть евреем – это хорошая специальность; в классном журнале, куда ты боялся, что твои одноклассники однажды заглянут и увидят на последней странице список учеников по их национальностям и тогда начнется...

С конца восьмидесятых годов, когда все ранее труднопреодолимые препятствия в отпущении евреев и не только их из Советского Союза рухнули, миллионы людей мигрировали из этой страны и рассеялись по многим странам. Еврейский людской поток хлынул в развитые страны. Сегодня около семисот тысяч американских граждан и людей, постоянно проживающих в Америке, считают себя евреями и одновременно признают родным русский язык.

Внутри последней большой волны эмиграции, охватившей период с семидесятых по девяностые годы прошлого века, была и суб-волна семидесятых, когда евреи, что уезжали, были презираемы советским народом, а те, что оставались, лишались должностей, мест работы и доверия. Еще бы, если уезжают одни, могут уехать и другие, поэтому лучше принять превентивные меры заранее, а то, не дай бог, обвинят, что пригрели предателей. По приезду в Соединенные Штаты тех советских евреев встречали как мучеников системы. И действительно, оставив свои привычные, обжитые места, они ехали в неизвестность, где не знали, найдется ли им место под солнцем. Они вошли в мир, где небольшая временная государственная помощь, талоны на бесплатные продукты и маленькая (не коммунальная, но платная!) квартирка – то, что они получили сразу по приезду – отнюдь не считались верхом материального благополучия, как это было бы в их бывшей стране. Надо признать, что эти люди, уехав первыми, были более решительны. Те письма, что оставшиеся в Союзе друзья и родственники получали с оказией (напрямую нельзя, рискуешь потерять все) от уехавших, рисовали полусказочный, а к началу восьмидесятых годов уже недоступный мир изобилия, где, тем не менее, живется трудно из-за боязни потерять все с потерей работы.

Эта ситуация изменилась с горбачевской перестройкой, а потом и с падением Союза, когда вместе с появлением первых свобод и прав граждан исчезли или стали недоступны про-

дукты первой необходимости. Тогда пришла очередь менее решительных евреев, а вместе с ней и новой суб-волны эмиграции девяностых. За 10–12 лет несколько сот тысяч новых иммигрантов прибыло из России и других постсоветских республик.

Большая волна эмиграции в девяностых годах, перестройка и политические катаклизмы конца прошлого века способствовали тому, что еврейский вопрос в России стал менее острым; его сменили проблемы других межэтнических отношений. По данным российской переписи 2002 года, число оставшихся в России евреев насчитывает 265 тыс. Человек. Гибель миллионов в Холокосте и эмиграция уменьшила их число в восемнадцать раз! Такого малого числа евреев в России не было за все двести лет совместного сосуществования этих народов. К концу девяностых этот людской поток начал уменьшаться, и к нулевым практически истощился – те, кто хотел, уже покинули Россию.

Конечно, это было главным решением за всю жизнь – начать все снова, с чистого листа. Для некоторых это было легкое, для других трудное решение. Несмотря на «пятый пункт», многие в России имели интересную работу в науке или искусстве, других креативных областях. Все это предстояло бросить и уехать в неизвестность. Прохождение через трудности приспособления к новой культуре, поиски неизвестно какой работы, выживание и становление – все это еще предстояло пройти. Новые иммигранты столкнулись с большими и малыми трудностями, прежде чем жизнь и работа в новой стране стала стабильной, будь то Америка, Израиль, Австралия, Канада или Германия. Если кто-то преуспел или потерпел неудачу, то это был успех или провал в, прежде всего, приобщении к новой культуре, а уж потом шел материальный фактор. В новой непривычной социальной среде каждый видит то, что ему хочется видеть. Если кто-то хочет видеть хорошее в новом для него обществе, он будет видеть хорошее, но если он или она хочет видеть только депрессивное, они обязательно его увидят. Скажем прямо: не всем следовало уезжать. Я говорю о тех, кто не смог реализовать то, на что рассчитывал в другой стране – таких людей не очень много, но они есть и они недовольны своим положением. Тот, кто более продвинут – ругает самого себя, ну а если менее – тогда все претензии к стране, его принявшей. Не очень умно, но кто-то же должен быть виноват!

Исход евреев из России в двадцатом веке имел место дважды: в начале века и в его конце. Сходство между этими двумя событиями было только в одном: национальной принадлежности исходящих. Все остальное было различным: в начале века это были, говоря образно, ремесленники, портные и сапожники; в конце века – интеллигенция, люди с образованием. Первые бежали от погромов и забитого существования в черте оседлости; вторые – дабы уберечь детей от повторений «дел врачей» и космополитов при любых последующих вождях, пресловутых «процентных норм», негласных запретов на профессии, от ощущения себя гражданами второго сорта, от совковой жизни, а после крушения Союза, в девяностых – от элементарной убогости нищеты, отсутствия работы. Характерные отличия второго исхода от первого: язык общения – русский, а не идиш; большинство новых еврейских эмигрантов образованные профессионалы; они приехали из больших городов, а не из местечек, как это было в первом случае.

Все они образуют русскую общину, – именно русскую по американским понятиям, не еврейскую! – в большинстве своем сконцентрированную в Большом Нью-Йорке, Лос-Анжелесе, Чикаго, Филадельфии и других крупных городах. Идентичность русскоговорящих евреев образована тремя великими культурами: иудейской, славянской и западной. Думаю, что именно эти культуры и совмещаются внутри каждого из них. Каждая имеет свои корни или ростки.

Перед отъездом принято подводить итоги. Чего Россия получила от евреев больше: хорошего или плохого? На весах не взвесить: с одной стороны – огромный вклад в развитие страны, в промышленность, гражданскую и военную индустрию, вклады в выдающиеся открытия в физике, биологии, медицине, других науках, почти вся советская песенная культура, произведения литературы, кинематографии и многое другое, ставшее общерусским, национальным

достоянием. С другой стороны, непропорционально большой вклад в революцию 1917 года, без которой, однако, евреи не вышли бы из черты оседлости и возможно, не сделали бы открытий, не написали бы романов. Определенно, цивилизация пришла бы в черту оседлости и без революции, или она (эта черта) все равно была бы отменена, не раньше – так позже. Но это была бы уже другая реальность.

Хочу закончить эту главу стихотворением Риммы Козаковой:

Уезжают русские евреи,
Покидают отчий небосвод,
Потому-то душу, видно, греет
Апокалиптический исход.
Уезжают, расставаясь с нами,
С той землей, где их любовь и пот.
Были узы, а теперь узлами,
Словно склад, забит аэропорт.
Уезжают... Не пустить могли ли?
Дождь над Переделкиным дрожит.
А на указателе «К могиле
Пастернака» выведено «жид».

Так прощалась страна с неординарной частью своего народа, помогавшей этой стране, потом ею же преследуемой, но своей частью. Вот жила скромная еврейская семья по соседству с кем-то из вас. Так, обычная семья с ребенком, мало чем отличавшаяся от таких же рядовых граждан страны победившего социализма. В какой-то трудный момент семья эта, как и многие другие еврейские семьи, эмигрировала. Через много лет тот ребенок, став взрослым и получив образование, прославил уже совсем не эту, но другую страну, основав принципиально новый глобальный бизнес, во многом изменивший сегодняшний мир. Сделал он это, базируясь на своих новых идеях. Но это уже был успех другой, далекой страны.

Страна – это в большей степени народ, чем властные кабинеты. А это значит, что ровно на ту величину, что Россия потеряла в результате массового отъезда евреев, она и стала другой.

II. НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*Когда ты идешь через глубокие воды
И большие испытания, я буду с тобой.
Когда ты идешь через реки трудностей, ты не утонешь.
Когда ты идешь через огонь преследований,
Ты не сгоришь – пламя не обожжет тебя.*

Исайя 43:2

Евреи. Кто *они*? Откуда пришли? Почему *они* другие? Почему *они* сохранились, пройдя через тьму веков, тогда как о других древних цивилизациях теперь можно только читать в учебниках истории? Почему *их* не любят? Размышляя на эти темы, приходишь к выводу, что есть много необъяснимого в том, что происходило в еврейской истории, в сознании древних и даже совсем не древних евреев, в национальном характере этого этноса, в полифонии совершенно разных, подчас разнонаправленных голосов и дел людей этого народа. Эти вопросы до сих пор озадачивают философов, писателей, политиков, историков, независимо от их отношения к этому народу.

Почему евреи за тысячи лет до других народов создали первую монотеистическую религию, которую другие народы потом использовали как источник и модель для своих религий? В то время, когда другие народы еще поклонялись разным богам, у евреев уже была религия, утверждавшая, что Бог – един, которая дала начало другим авраамическим, т. е. происшедшим от Авраама, первого из иудейских патриархов, религиям – христианству и исламу. Кто был первый антисемит и почему антисемитизм на нашей планете бесконечен во времени и пространстве? Почему среди евреев непропорционально большое количество одаренных людей? Почему относительно небольшой еврейский народ смог сохранить свою идентичность после сотен и тысяч лет и оседлой жизни, и скитаний, преследований, истреблений? Толкований много, объяснений нет – слишком глубоко уходят корни... не на века – на тысячелетия!

И еще одно «почему». У советского диктатора Сталина, так часто прославляемого в современной России, были свои счеты с евреями, когда он начал преследование «безродных космополитов». Человек нерелигиозный, я иногда задумываюсь о той неведомой силе, которая сохранила их – определенно, что-то потустороннее спасло советских евреев от предстоявшей депортации в Сибирь перед тем, как это должно было произойти в 1953. Это была смерть диктатора.

Ответить на эти эпические вопросы, объясняя феномен выживания еврейского народа божественными силами, проще, чем понять, почему на самом деле это происходило именно так. В пределах же атеистического мышления однозначных ответов нет.

Историческая справка 4. Около 2000–1800 г. до н. э. древнееврейские кочевые племена пришли из Месопотамии и осели на земле Канаан, что между Средиземным морем и рекой Иордан. По Библии, часть евреев мигрировала в Египет, где они были порабощены. После четырехсот лет рабства древнееврейский пророк Моисей вывел еврейский народ из Египта. Этот Исход, хотя и не подтвержден археологическими находками, имеет, тем не менее, огромное моральное значение в судьбе еврейского народа. В течение сорока лет скитаний евреи получили Десять Заповедей, сформировались как народ и, в конце концов, осели на землях Канаана.

В 586 г. до н. э. вавилоняне захватили Иерусалим, разрушили Первый Храм и захватили в плен тысячи евреев (вавилонское пленение), которое длилось около пятидесяти лет. Другие, спасаясь от рабства, перешли в Сирию и Месопотамию, некоторые в Египет. Затем Вавилон

был завоеван персами. Персидский царь Кир разрешил евреям вернуться в Иерусалим, где они заложили Второй Храм в 536 г. до н. э.

Самая массивная и длительная миграция евреев, известная как рассеяние, происходила в течение нескольких веков. Рассеяние началось с греческого завоевания Иудеи в 301 г. до н. э. и продолжилось после разрушения Второго Храма римлянами в 70 г. н. э. Тысячи и тысячи евреев продолжали мигрировать в страны средиземноморского бассейна, Испанию (дав начало сефардским общинам) и далее в Западную Европу (ашкенази) вплоть до пятого века нашей эры.

Римляне стали преследовать евреев особенно с началом принятия христианства как официальной религии империи в 313 году н. э. Часть евреев переселились в страны Ближнего Востока, другая часть переселилась в страны Европы. Это не было какой-то разовой акцией. Большие общины евреев существовали в Западной Римской и Восточной Византийской империях в раннем средневековье (с шестого по десятый век н. э.). Расцвет евреев также наблюдался в арабской Испании с десятого по двенадцатый век, когда евреи жили среди дружелюбно настроенных арабов (!) в Кордобском Халифате. Это изменилось при крестоносцах в одиннадцатом веке, когда, до похода на Восток против мусульман, первые громили еврейские общины в Западной Европе, заставляя евреев перейти в христианство.

Страны средневековой Европы много раз изгоняли евреев: из Англии (король Эдуард I, в 1290 году), потом Франции (Филипп IV, 1306), Испании (Фердинанд, 1492), Португалии (1498), Германии-Саксонии (1536) и других стран. Римские папы того времени сыграли свою роль в преследовании евреев. Ни Америки, ни Израиля тогда не существовало, где изгнанные евреи могли бы найти укрытие. Враждебная Европа не хотела давать им убежище – везде распространялись слухи, что евреи отравляли колодца и приносили инфекцию «черной смерти», что, разумеется, было полной чушью. За это тысячи ни в чем не повинных евреев были убиты во Франции, Австрии, Швейцарии и Богемии. Их миграция в Центральную Европу продолжалась по мере их изгнания из большинства стран Западной Европы. В пятнадцатом веке Испания и другие западные страны потеряли свою роль в качестве центра европейского еврейства, и это место заняла Польша, где польские короли благосклонно отнеслись к евреям и последние нашли здесь лучшие условия жизни. Однако и здесь через 100–150 лет положение евреев изменилось и даже стало трагическим, когда украинские козаки под предводительством Богдана Хмельницкого восстали против польского господства над ними в 1648 году. Козаки Хмельницкого устроили небывалую кровавую резню, и десятки тысяч польских евреев были убиты и замучены за их поддержку поляков в этой борьбе.

В конце восемнадцатого века большое количество евреев оказалось в границах расширенной России, после того, как императрица Екатерина II получила большие территории Восточной Польши в результате ее раздела между Россией, Пруссией и Австрией. Этот период и начал отсчет времени совместного проживания русского и еврейского народов, длившегося двести лет вплоть до конца двадцатого века. Чтобы быть более точным, следует добавить, что первая крупная волна еврейской эмиграции из России имела место в 1890–1916 годах, т. е. после первых ста лет. Никто из тех, кто бежал в ту первую волну, не знал, что они спасли себя и своих детей от наихудшего во всей истории, что еще предстояло пройти евреям Европы – Холокоста.

Трагическая судьба миллионов европейских евреев в годы Холокоста (1930-40-е) явилась причиной новой волны их миграции из стран центральной Европы. В 1945–1947 гг. несколько десятков тысяч из тех, кто выжил, эмигрировали из послевоенной разрушенной Европы: 83 тыс. в Палестину, 40 тыс. в Соединенные Штаты, 7 тыс. в страны Латинской Америки и 3,5 тыс. в Канаду. Причиной большой эмиграции в Палестину из Польши был антисемитский погром в июле 1946 в Кельце, где было убито 42 еврея и два поляка, их защищавших.

В 1948 году, после двухтысячелетнего перерыва, евреи получили возможность строить государство на своей исторической родине, в Израиле. Через семьдесят лет своего существо-

вания, еврейское демократическое государство, при небольшом населении и малых размерах, вошло в восьмерку самых влиятельных стран мира.

Какой тайной окружен этот народ, который на протяжении сотен и тысяч лет оставался ненавидимым и обреченным на чужую зависть, истребляемым одними и спасаемым другими, а также независимым, очень активным, с определенными чертами национального характера и культуры, не принимаемыми многими другими культурами?

Теолог, философ и ученый семнадцатого века Блез Паскаль (тот самый, закон гидростатики которого мы изучали на уроках физики в школе) в своем философском труде *«Мысли»* писал о еврейском народе:

«Этот народ весьма замечателен не только по своей древности, но и по продолжительности своего существования – от времени своего происхождения и до наших дней, потому что, когда народы Греции и Италии, Лакедемона, Афин, Рима и другие, появившиеся гораздо позже, уже давно исчезли, этот народ все еще существует. Несмотря на неоднократные стремления могущественнейших государей стереть его с лица земли, как свидетельствуют их летописцы и как легко предположить по обыкновенному порядку вещей, он сохранился в течение столь многих столетий».

Марк Твен, в эссе *«Касательно Евреев»*, в 1899:

«Египтяне, вавилоняне, персы создавали мировые державы, всей планете торжественно и шумно заявляли о своем могуществе, затем таяли, словно дым, и умирали; греки и римляне наследовали их громкую славу и тоже ушли в небытие; другие народы возникали, на время высоко поднимали пылающий свой факел, но он стгорал, оставляя лишь искорки, а подчас и они стгорали. Евреи видели их всех, и сейчас они такие же, какими были всегда: на протяжении веков не знающие упадка или немощи; никогда, так же, как и теперь, не ослаблялось их влияние, их роль в жизни народов, среди которых жили они, не убывала их энергия, мобильность и острота ума».

Еврейские вопросы чрезвычайно занимали и русских мыслителей и писателей. Далеко не все из них симпатизировали евреям, но иногда и они находили потрясающе точные слова и характеристики в адрес этого народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.